

Я завтра улетаю

Дарина Грот

$x^k a^{n-k}$

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

$\sum_{k=0}^n$

$r_+ = M + \sqrt{M^2 - Q^2 - a^2}$

18+

Дарина Грот

Я завтра улетаю

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Грот Д.

Я завтра улетаю / Д. Грот — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Меня зовут Громов Роман Игоревич. Я известен всему миру. Я — первооткрыватель планеты Харита. Сейчас я сижу в аэропорту Шереметьево, мой рейс, Москва-Лондон, вылетает через полтора часа. В руках тетрадь формата А4, количество листов 96 и черная гелевая ручка моей любимой фирмы. В голове, не умолкая, шепчутся формулы, я закручиваю пространственную петлю, высчитываю гравитацию... А перед глазами лицо Ксю. И я понимаю, что несмотря на данное мной обещание, я не вернусь к ней. Никогда. Невзирая на мою боль, подвывающую в сердце... Содержит нецензурную брань.

© Грот Д., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

– Посмотри на меня, – попросила она. Я изначально не хотел отворачиваться от нее. Я пришел для того, чтобы смотреть на нее. Много и долго. До 5 утра, пока не приедет такси. Чертовы слезы. Я не смог отказать ей. Я взглянул на нее.

– Прощаться? – повторила она, едва наши глаза встретились. – Что это значит? Ты, – она сделала паузу, – навсегда?

– Я обязательно приеду навестить тебя, – пообещал я, запоминая, как блестят ее глаза. А какого же цвета ее глаза теперь? Уже столько лет я смотрю в эти глаза и все не могу понять, какого они цвета. Раньше я думал, что они – голубые. Потом, в пиковый период переходного возраста, они казались мне темно-синими. Сейчас, когда нам по 25, они снова голубые. Белесосерые. Потухшие.

– Обещаешь? – тихий шепот скользнул в ночную тишину. Ее сожитель, угрожавший стереть меня с лица земли, уже давно спал, забывшись в пьяном чаду.

– Обещаю. – Слеза снова скатилась по моей щеке.

Мне было 9, и я учился в третьем классе. Я жил с отцом. Мать ушла к другому налаживать свою личную жизнь. Ей было не до меня. Будучи ребенком, я был обижен на нее. Быть обиженным – нормально для ребенка. Когда же еще обижаться, если не в детстве? Да и детство – единственный период, когда на твои обиды кто-то вообще обращает внимание.

Став постарше, я пришел к пониманию: я понял поступок матери. Мне хотелось думать, что я понял. Отец всегда пил, но слава богу, хоть работал. Отец с мужиками на заводе всегда находил, что выпить и когда. Выпить перед работой с утра. Во время работы днем. Конечно, после работы вечером. Мать всегда была одна. Мной она занималась как положено. Скорее оттого, что положено это законом, нежели ей хотелось лично. Она просила отца перестать пить, и у нее было только два аргумента. Первый – это она сама. Именно ради нее отец должен был бросить пить. Второй – это я. Если не ради нее, то хотя бы, может, ради меня. Она не учла тот факт, что у отца был еще он. И ради себя он не хотел бросать пить.

И вот, моя уставшая от несостоявшейся мечты, мать умудрилась повстречать принца и быстренько, отказавшись от меня, переехала к нему. Принцем его можно было назвать только потому, что он не пил.

Мы остались с отцом вдвоем. И потянулись совсем одинаковые дни моей жизни. Денег всегда не хватало и это тоже нормально. Я еще ни разу не слышал, что кому-то хватает денег. Я только слышал, что государство считает, что всем хватает.

Я пошел в первый класс, когда мне вот-вот должно было исполниться 7 лет. Я до сих пор помню тот день. Все стояли на утренней линейке в 1995 году. Девчонки с бантами, крепко держащими разноцветные косы и хвосты; мальчишки аккуратно причесанные, стояли по стойке смирно, немного перепуганными глазами изучали асфальт под ногами. У всех в руках были цветы. У всех, кроме меня. Со всеми рядом стояли родители с улыбками и допотопными фотоаппаратами. Рядом со мной стоял пьяный отец, грузно повесив голову.

Я был одет хуже всех. Мои вещи и школьные принадлежности были хуже, чем у других. Мой отец был хуже, чем другие отцы. В какой-то момент я пришел к выводу, что я сам хуже, чем другие дети.

Так прошел первый класс. Так же прошел и второй класс, словно тошное дежавю. Первое время меня пытались цеплять мальчишки, дразня и посмеиваясь надо мной, но так как я считался ребенком из неблагополучной семьи, мое поведение оставляло желать лучшего. Вначале я пререкался с ними. Затем дрался. Затем слушал угрозы классного руководителя. Потом они пытались вызвать моего отца в школу. Смешно.

Меня никто не воспитывал. Отцу было некогда, а в школе лишь отчитывали. Я учился сам на всем и на всех, кто окружал меня.

Первое сентября в третьем классе, 1997 год. Уже прошло минут десять от начала урока, когда запыхавшаяся мамашка ворвалась в кабинет и втокнула свое чадо в класс. Учительница смотрела на родителя уничтожающим взглядом. На ее лице читалась советская дотошность и отвращение. Елена Владимировна. Да! Кажется так звали мою классную руководительницу в начальных классах. Отдышавшись, мамашка напела что-то про то, что заблудилась, оставила чадо и поспешила ретироваться из кабинета.

Елена Владимировна окинула орлиным взором аудиторию. Куда же отправить растрепанную девчонку, стоявшую рядом с ней. Класс был не полным. Все-таки первое сентября! Многие дети еще не вернулись с дач и деревень. Сзади было много пустых парт, и у Елены Владимировны был выбор. Но она посадила новенькую на полупустую парту. Ко мне. Учительница решила даже не представлять девчонку классу. Видимо, что я, что новенькая, выглядели не очень хорошо и были похожи на детей из неблагополучных семей. Наверное, поэтому, по мнению Елены Владимировны, нам стоило держаться обособленно.

Класс поддержал решение учительницы издевательскими смешками, пока девчонка шла между рядов к моей парте. Я нехотя собрал разбросанные ручки по всему столу и отодвинулся поближе к краю.

Она робко уселась на стул, стесненными движениями доставая пенал из рюкзака. Краем глаза она увидела, что на моей подставке стоит кем-то изрисованный учебник по русскому языку, и достала такой же, только чистый. Закончив шуршать, она сложила руки на парте и уставилась на уже что-то вещающую учительницу.

На перемене дети высыпались градом из кабинета в коридор. Елена Владимировна поспешила открыть окна и ушла. Я остался на своем месте. Пять минут перемены не вызвали во мне желания носиться по коридорам, громко визжа. Хотя, может, я лукавлю. Со мной никто не хотел бегать по коридорам и визжать.

Новенькая тоже осталась в классе, все также держа руки на парте, сидела и смотрела прямо перед собой. У меня закралось подозрение: а она вообще нормальная?

– Эй, – позвал я, пытаюсь увидеть ее лицо. Девчонка повернулась ко мне. – Сейчас перемена.

– Я знаю, – ответила она. У нее был громкий голос, резкий и практически без примеси детской наивности. Услышав довольно резкий ответ, у меня больше не возникало желания спрашивать ее о чем-либо. Но я ничего не знал о ее желаниях.

– Как тебя зовут? – спросила она, шевельнувшись.

– Рома, – я опустил голову. – А тебя?

– Ксюша, – она улыбнулась в ответ. Я тут же обратил внимание на черные дырки в ее зубах, что меня даже немного напугало. Конечно, в этом возрасте я уже знал о существовании зловредной болезни – кариес.

В школе раз в полгода Елена Владимировна водила наш класс к школьному стоматологу. Врач внушал детям страх одним лишь своим видом, не говоря уже про инструменты дьявола, которым было окружено ее рабочее место. У нее было круглое лицо и чрезмерно выпирающие из орбит глаза, которые зловеще вращались за очками, осматривая ротовую полость.

– Все в порядке, – говорила она мне каждый раз, и я едва не писался от счастья, что вот та висящая перед глазами штука не заведется, как дрель и не будет перфорировать мои зубы. Я никогда не страдал кариесом. У отца не было денег на сладкое. У него на еду-то едва хватало.

Заметив, что я ужаснулся, увидев черные дырки в маленьких зубах, Ксюша тут же перестала улыбаться. Отвернулась. И на мое счастье прозвенел звонок. Шумные, вспотевшие одноклассники вернулись в класс.

Я был уверен, что Ксюша уже к концу дня найдет предполагаемую подругу и уже на следующий день моя парта снова станет только моей, как всегда и было. Но ни на следующий день, ни на следующей неделе, ни даже через год, Ксюша не пересела от меня.

Мы были детьми и мало-по-малу начали общаться. Вначале на переменах. Я узнал, что Ксюшины родители переехали из Кузьминок в мой район, в Медведково. Они купили новую квартиру, а квартиру в Кузьминках сдавали за копейки. Узнал я, что теперь Ксюша живет в соседнем доме. Мой подъезд – четвертый, был последним в моем доме. Следующий дом был ее и ее подъезд – первый. Так что нас разделяла только одна дворовая дорога и два тротуара по краям.

Ксюша много рассказывала о своих родителях: о матери и отце. Они жили счастливо. Оба работали над развитием собственного бизнеса с автосервисами. Семья-то ее оказывается была при деньгах и не малых. Ксюша не знала отказов со стороны родителей ни в чем: будь то игрушки, которым завидовала добрая половина класса, будь то большой белый джип, на котором Алексей Федорович, отец Ксюши, привозил ее в школу, или хетчбэк цвета металлики, на котором иногда Анастасия Евгеньевна, забирала Ксю из школы. Будь то разноцветные ручки, которые мало у кого были, и новые, пахнущие свежей печатью, учебники. Или особенные одежды. Я же завидовал только одному – у нее была Анастасия Евгеньевна, Ксюшина мать. Тогда я даже и не догадывался, что муж с женой могут так любить друг друга. Я не мог поверить, что отец может не пить целыми днями, а мать может любить своего ребенка не потому, что закон обязал, а потому, что это ее ребенок и она просто любит его. Вот так вот неожиданно для себя мы, сами не понимая как, начали дружить.

Четвертый класс мы перепрыгнули, сразу же оказавшись в пятом. И несмотря на то, что нам всего было по 10 лет, мы почувствовали себя практически взрослыми.

Мы больше не сидели годами в одном кабинете под пристальным взглядом Елены Владимировны. У нас были разные предметы. Разные учителя и разные классы. Мы передвигались по школе с урока на урок.

Теперь Ксюша болтала со мной и на уроках. Ее болтовня все чаще становилась причиной моего одинокого призрачного блуждания по школьным коридорам во время урока. Иногда нас рассаживали. Но каждый раз, приходя снова на тот или иной урок, мы втайне надеялись, что строгий учитель забыл о запрете сидеть вместе.

Учились мы по-разному. У меня были пятерки по математике, у нее – по русскому. Я ненавидел литературу, она обожала ее. Я с головой увлекался начальной биологией, она шарилась от рисунков с одноклеточными, называя их мерзостью.

В очередной раз для меня, наша новая классная учительница повела нас на профилактический осмотр к стоматологу. У меня менялись зубы. Я не помню, когда они начали меняться и когда закончили. Мне все говорили, что я отсталый, потому что у всех зубы поменялись уже давно, чуть ли не в 3 классе. И каждый раз отсутствие того или иного зуба вызывало в классе очередной повод тихонько похихикать над моей непрезентабельной внешностью. Над Ксюшей тоже смеялись. Ее черный рот многим не давал покоя. Я-то привык. У нее был черный рот, но душа и сердце – белыми.

Мы парами шли по лестнице, как и положено школьникам. Марина Ивановна возглавляла процессию. Дети гоготали и безумно громко болтали. Болтали все, даже я. Вот только Ксюша шла рядом со мной и молчала. Вся бледная, тихая. Зрачки расширены, мечутся по стенам, завешенным то портретами великих, то школьными поделками. Я не видел особого интереса в ее взгляде. Когда она читала литературу, стихи, ее глаза в буквальном смысле горели. Ей было интересно. А тогда, в коридоре, направляясь к дверям стоматолога, в ее глазах был скорее испуг. Я не спрашивал о ее страхах. Я не мог поверить, да и подумать, что стоматолога можно бояться. Я был ребенком, не испытывающим проблем с зубами. Я всех ровнял под себя.

Мы расселись по скамейкам, расставленным вдоль стены. Одноклассники разбрелись на кучки и довольно шумно шептались, впопыхах рассказывая друг другу жуткие истории о том, как они ходили как-то к стоматологу и самые ужасные кошмары их жизни случались именно в кабинет дантиста.

– Ксения Зольтич! – из кабинетов врача высунулась медсестра, – подготовится Иван Прокудин.

Ксюша вздрогнула. Ее пальцы сжались в кулак на мгновение. Послышался легкий, едва слышный стон. Мне даже показалось, что не было этого стога. Иллюзия или что-то типа того.

Ксюша, как камчатский краб, медленно, боком направила в кабинет. Дверь закрылась за ней и в моих ушах наступила тишина. Это были такие редкие минуты, когда мои уши отдыхали от постоянной детской болтовни.

Мы все время играли. Играли на переменах. Играли во дворе под окнами, чтобы родители Ксюши могли ее видеть. Мой отец не мог видеть меня даже, когда я стоял прямо перед ним. Мы играли на уроках.

Очень часто мы притворялись, что Ксюша – принцесса, а я – ее верный рыцарь, должен был спасти ее с биологии и математики. А перемены – в эти мимолетные моменты считалось, что я спас ее.

Мы играли в агентов, притворяясь, что у нас за спиной пистолеты, в руках – рации. Мы переговаривались с кем-то невидимым, решали какие-то проблемы. В те кукольные моменты я был уверен, что Ксюша такая смелая!

Мои размышления и отдых прервал абсолютно нездоровый вопль, раздавшийся из кабинета. Я инстинктивно вскочил с лавки. У меня дрожали колени, я хотел бежать. Не знаю, куда, но я просто хотел бежать.

Дверь кабинета распахнулась и с расширяющимся криком страха и боли, от врача, требующего вернуться, вылетела Ксюша. Она налетела прямо на меня, сбита с ног, и грохнулась рядом, продолжая ползти, мечтая скрыться от этого места. Марина Ивановна быстро подняла нас обоих с пола и принялась отчитывать. Ксюша плакала и голосила во все горло, отказываясь возвращаться в кабинет дантиста-психического маньяка. Марина Ивановна настаивала на необходимости провести профилактический осмотр. Она обещала, что никто ничего делать не будет, только посмотрит. Но Ксюша лишь громче рыдала и продолжала качать головой, скорее уже на автомате.

Тогда Марина Ивановна принялась уговаривать по-другому: повышая голос и угрожая незапланированным визитом к директору. А директор, конечно, гораздо хуже, чем визит к стоматологу. Ксюша тотально впала в панику, еще больше рыдая. Она уже практически задыхалась от страха. Я стоял рядом и сам еле держался, чтобы не зарыдать из-за передающейся мне паники, из-за строгого, давящего голоса и интонации Марины Ивановны. Одноклассники притихли. Жесткие и бессердечные. Они не чувствовали жалости к плачущей девчонке. Они не боялись стоматологов. Те, кто боялся стоматологов, неумолимо поддерживали Ксюшу и ее решение не ходить к маньяку со сверлом в руках.

Отчаявшись, Марина Ивановна взяла Ксюшу за руку и потащила ее к дверям с жуткой надписью: стоматолог. Ксюша билась, как дикий хорек, неожиданно пойманный. Она визжала, рыдала, уже практически лежа на полу, и голосила во всю глотку одно единственное слово – нет.

– Ей же страшно! – крикнул я, не выдержав. Мой голос, еще совсем детский, не сломанный, оказался гораздо громче, чем параноидные крики Ксюши. Классная руководительница замерла. Да и Ксюша тоже. Я же не мог понять, зачем я крикнул. Но это не все, что я сделал. Сам ничего не понимая, я подошел к сидящей на полу Ксюше. Ее лицо было покрыто пятнами, глаза заплаканы, уставшие от долгой паники. Губы дрожали, дрожал и подбородок, и мне было так сложно смотреть на нее, потому что в тот момент я испытывал неописуемую жалость.

– Пойдем туда, – сказал я, разрезав тишину дрожащим голосом. – Я буду держать тебя за руку, – предложил я, – мы же агенты. Самые сильные и смелые, помнишь?

Ксюша всхлипнула. Ее лицо постепенно искажалось под влиянием появляющейся гримасы отчаяния на последней стадии. Она вот-вот заорет с новой силой, с новыми слезами. Я

всего лишь маленький мальчик, перепуганный ее криками. Что я мог сделать? Я взял ее за руку и... улыбнулся.

– Я буду держать тебя за руку. Давай, как будто нам вживляют чипы?

Ксюша поджала губы. Она смотрела на меня как на супергероя из любимых мультиков. По крайней мере, она больше не плакала.

– Или давай, я буду твоим рыцарем, а ты – принцессой? – воодушевился я. – Тебя заперли в башню, а я буду спасать тебя?

Вокруг раздалась смешки и издевательские похихикивания, какие-то словечки, которые позволительно говорить пятиклассникам в присутствии классного руководителя. Но Марина Ивановна тут же шикнула на них, видя, что мои предложения, детские и глупые, работают.

Ксюша протянула мне руку, и мы вместе пошли к стоматологу.

Усевшись на трон, к которому ее тут же приковала Злая Королева. Я встал рядом и взял ее за руку, как и обещал. Я рассказывал ей истории собственного сочинения, как мы будем спасаться из замка. К счастью, дети обладают потрясающей фантазией. Интересно, куда она девается, когда дети вырастают?

– Давай лучше в агентов? – попросила Ксюша, крепче сжимая мою руку, вспотевшими пальцами.

– Давай! – воодушевился я. Я любил играть с ней во все, но в агентов больше всего! – Сейчас доктор Эйкин поставит тебе чип и тогда наша миссия не провалится! Потом она поставит его мне!

– Конечно, агенты! – доктор тут же включилась в игру, как можно скорее орудия инструментами во рту Ксюши. – Благодаря чипам, мы всегда будем знать, где вы находитесь.

К окончанию пятого класса у Ксюши не осталось ни одной черной дырки в зубах.

Мы ходили к нашему стоматологу вдвоем. Я всегда держал ее за руку и каждый раз мы придумывали, кем будем в этот раз. Страшная женщина-дантист никогда не отказывалась подыгрывать нам.

На почве лечения зубов я познакомился с Анастасией Евгеньевной, которая так радовалась, что ее дочь, наконец, пошла к врачу. Она с ужасом вспоминала, как Ксюша кричала и визжала, едва они подходили к кабинету ближе, чем на метр. И никакие уговоры и запугивания не могли заставить Ксюшу сделать шаг, что преодолеть хотя бы полметра, отделяющие ее от кабинета врача.

Я стал ходить к ней в гости. Вначале на выходных. Мы смотрели мультики на компьютере, о существовании которого в домашнем пользовании, я узнал от Ксюши. Меня всегда вкусно кормили. Первое время я стеснялся, говорил, что поел дома и не голоден, но, видно, у меня на лице было написано, что я не просто голоден, а я как будто не ел все свои 10 лет.

Потом я стал ходить к ней чаще. После уроков. За Ксюшей приезжали мама или папа, и они предлагали поехать к ним, сделать уроки и посмотреть мультики. Моя продленка летела к чертям, так как я уходил домой. Не к себе.

Родители Ксюши много спрашивали о моей семье. Я все рассказывал. Я рассказал, что моя мама ушла. Мой папа пьет. Я принадлежу сам себе. Им было жалко меня. Узнав мою историю, они постоянно пытались накормить меня да так, что я действительно начал поправляться. Мои руки и ноги, больше походившие на четыре макароны, постепенно становились сосисками. Я начал расти. К концу пятого класса я догнал по росту некоторых одноклассников.

Мы вместе делали уроки. Я помогал Ксюше с математикой, она учила меня любить литературу. Я показывал ей клетки в учебнике по биологии, она морщила свой носик, фыркала, но запоминала мои щедрые описания жизнедеятельности этих клеток.

Совместными усилиями мы хорошо и отлично заканчивали четверть за четвертью. Родители Ксюши считали, что я положительно влияю на их дочь, поэтому относились ко мне скорее, как к собственному сыну, чем как к другу их дочери.

В школе я так ни с кем толком и не общался. Среди ребят я давно установил если не авторитет, то, по крайней мере, они держали дистанцию в отношении меня. Да я и не был им интересен! Я не играл с ними в футбол после школы, я не слушал реп, я не гонялся с ними на перегонки по коридорам. Футбол я не любил. Уж если на то пошло, я предпочитал волейбол. Кто-то пытался говорить, что это девчачья игра. Плевать. Я не слушал реп, потому что ничего не знал об этом стиле музыки. В моем доме все еще стоял советский ламповый телевизор. Магнитофон? Нет. Мне казалось, что уже у всех были новые современные телевизоры, видеомагнитофоны и магнитофоны с двумя кассетами и кассетные плееры. Но не у меня. Мне, как ребенку, было завидно и тоже хотелось похвастаться любимым фильмом или музыкой. Но я изучал одноклеточных и корневища растений. Мне больше нечего было делать. Хотя иногда я лазил по стройкам, когда Ксюша не звала меня в гости.

Ксюша же общалась с другими ребятами и девчонками и на переменах, и во время уроков, перекидываясь записками. У нее было все, что у всех и даже больше. Она умела поддерживать беседу. На лето мы разъезжались. Ну, как разъезжались, Ксюша уезжала к бабуле на дачу и в деревню. Я-то оставался в Москве. Кроме моего отца, вечно занятого бутылками и заводом, у меня ничего больше не было.

И вот летом я восполнял свое ребячество, которое немного терялось в течение года, когда я был занят учебой и Ксюшей, ее играми и предложениями, родителями и мультиками про Короля Льва и Бэмби.

Я лазил по стройкам. Делал рогатки и стрелял по голубям сухими палками. Камнями – жалко. Я лазил по подвалам, за что меня гоняли дворники. Пару раз мне даже доставалось метлой по спине.

В летнее время Москва вымирала: все дети исчезали. Город становился городом для взрослых и для меня. Я читал зоологию шестого класса. Снова лазил по стройкам. Стрелял по голубям. Лазил по подвалам. Читал зоологию и решил задачки из учебника по математике шестого класса. Лето уходило. Медленно, растягиваясь, как заезженная пластинка тянула звук. Такой мерзкий, скрипучий и прерывающийся.

А потом настал шестой класс. Ксюша вернулась где-то за неделю до первого сентября и тут же позвонила мне. Я так обрадовался, когда в квартире, пропахнувшей спиртом, раздался резкий звонок телефона. Того самого телефона, с круглым циферблатом, где пальцем надо последовательно набирать цифры.

Мне некому было звонить, но иногда, когда мне становилось совсем скучно, я набирал 100 и слушал точное московское время. Мне так нравилось набирать цифры на телефонном диске! Этот шершавый звук до сих пор стоит у меня в ушах. Жжих! Мгновенная пауза, чтобы переставить палец в отверстие около нуля и долгий жжих! Снова мгновенная пауза, пока диск возвращается на место и еще раз жжих. Затем шур-шур и диск вернулся в изначальное положение.

Но в тот раз телефон звонил сам! Сам! Ксюша вернулась! Сколько же радости я испытывал в тот момент. Я помчался в соседний дом через дорогу. Смотреть мультики, слушать истории и вкусно кушать. Я помчался к своей единственной подруге.

Она совсем не повзрослела. Прошло всего три месяца, а мне казалось, что половина моей жизни. В детстве время воспринимается по-другому. Оно тянется. Иногда так долго и блевотно, как, например, 45 минут урока! Как сложно высидеть эти 45 минут. Они кажутся бесконечными. Смотришь на часы – 5 минут. Через полчаса смотришь вновь, а оказывается прошла всего минута. Две от силы. И сразу становится так грустно, понимая, что звонок будет только через 39 минут. А тут три месяца! Вечность. Непреодолимая, непоколебимая вечность.

У Ксюши отросли волосы. Ее мелированная летним, уличным солнцем коса стала длиннее, опускаясь ниже крестца. Но вот сама она совсем не изменилась. Зато на ее фоне я заметил, как подрос я, как мои руки и ноги словно превратились в тонкие спагетти.

И мы снова сидели в девчачьей комнате, где скорее по желанию родителей, практически везде преобладал розовый цвет. Где на полках в книжных шкафах стояло больше всяких фигурок, чем книг. Сама Ксюша отдавала предпочтение темным цветам. Стабильно раз в неделю я имел возможность на уроках ИЗО видеть, какую цветовую палитру она использует, чтобы нарисовать просто дерево. Ее деревья всегда были в зиме. Черные и лысые. На небе всегда темные тучи, из которых никогда не шел ни дождь, ни снег. Это были просто громоздкие тучи, висевшие над одиноким несчастным деревом.

Если Ксюша пыталась нарисовать человека, то он выглядел так, словно собирался на похороны кого-то, кого он очень сильно любил. У людей, которых изображала Ксюша, никогда не было глаз. Рот всегда нарисован прямой черной линией. Одевала она их в черные плащи, и я никогда не понимал, кого она нарисовала: мальчика или девочку. Для Ксюши словно не существовало того огромного количества пузырьков гуаши разных цветов, не говоря уж о том, на чьей крышечке было написано «pink». Мне помнится, она ни разу не открыла его. Скорее всего краска так и засохла внутри пузырька, потрескавшись как засохшая лужа. Но родители не видели рисунков дочери так же, как и ее отношения к этому девчачьему цвету.

В ее комнате было много мягких игрушек. По большей части это были кошечки и собачки. Но у Ксю была одна любимая, жирная, плюшевая кошка, которую звали Китти, с которой Ксю спала. Вот мягких плюшевых пылесборников она действительно любила. Ксюша рассказала мне все истории, связанные с той или иной плюшевой мордой. Даже тогда я не понимал этого. У меня-то была только железная машинка и резиновая кошка, мерзко пищавшая. Но я их любил. Но не спал с ними. И имен не давал.

Тогда я впервые остался у нее на ночь. Мой отец, когда я спрашивал разрешения, сам не понимая зачем, приоткрыл вновь закапанные спиртом глаза и сказал, что ничего не имеет против, ему все равно в ночную смену.

У Ксюши была двуспальная кровать и, как мне казалось, гораздо мягче, чем моя собственная. Насмотревшись по сто пятому разу одних и тех же мультфильмов, мы, по команде родителей, улеглись спать.

Ксюша довольно быстро засопела в обнимку с Китти. А я лежал и долгое время таращился в ночной потолок. Я задавал одни и те же вопросы: почему? Почему моя мама не со мной? Почему мой папа влюблен в спирт? Почему у меня нет такой мягкой кровати и постельного белья хотя бы с идиотскими мишками? Почему, почему, почему.

Я не знаю, когда я уснул, но спал я младенческим сном.

Началась школа. Мы с Ксюшей вновь сидели за одной партой. В расписании завелись новые предметы. Новые учителя. Новые кабинеты, в которых мы еще не были. Я был воодушевлен. К черту стройки и рогатки, когда в школе так интересно и увлекательно. Я погружался во все предметы. Меня увлекало абсолютно все, кроме литературы и русского языка. Я поглощал знания, откровенно удивляясь, как же так возможно! Эти цифры, уникальные и удивительные, переплетались уже в более сложные уравнения. В цифровом смятении постепенно начинали появляться буквы. Не нашего русского алфавита. Они все что-то значили. Я обожал математику за ее индивидуализм и за то, что в ней нет ничего «просто так». Ни один знак в математике не может быть «просто так». Более того, если убрать хоть один знак, хоть один символ, теория рухнет, разобьется вдребезги. Математика тут же потеряет свою уникальную точность. И с каждым уроком она становилась прекраснее и прекраснее. Я все красивее и красивее выводил цифры и буквы в своих тетрадах.

География и история пожирала мое сознание. Какой же у нас огромный мир! Какой же он необъятный! Сколько в нем всего есть, что не хватит нескольких жизней, чтобы охватить потрясающий, всеобъемлющий мир. И тут же история, так громко, через мировой мегафон рассказывает о том, что было в этом мире. Как все было! И что стало. Я читал и перечитывал

уроки, отведенные на эти предметы. И даже когда я перечитывал, история цифр, география, история мира интриговали меня снова, как потрясающие истории Конана Дойла.

Но вот русский и литературу, и злополучный иностранный язык угнетали меня. На этих уроках мне было тошно. Я не знал куда себя деть, скорее потому я отвлекался на Ксюшу. Какой красивый почерк формировался у нее! Она писала захватывающие изложения по русскому. Их читали на весь класс, и все слушали затаив дыхание. Ксюша писала не школьные для ребенка сочинения по литературе. Их отправляли на конкурсы.

А мы, погруженные каждый в свой предмет, все равно шептались на уроках. Улыбались.

Ксюша больше не хотела играть в принцесс и агентов. Она предпочитала хихикать с девчонками на переменах, иногда посматривая на меня. Я улыбался ей в ответ. Ее губы растягивались в солнечной улыбке и тут же возвращались к шепталкам между девчонками.

После уроков мы, по обычаю что ли, шли к ней делать уроки.

Однажды серьезно поскандалив с какого предмета начинать уроки и когда дело дошло чуть ли не до драки, мы пришли к решению начинать выполнять домашнее задание с тех предметов, которые нам больше всего нравились. Потом помогать друг другу и уже совсем потом выполнять то, к чему относились нейтрально.

Я подружился с мальчишками из параллельного класса, и мы организовали шахматный клуб. Желающих поиграть в перерывах или после уроков было немного. Но если я ходил в клуб, Ксюша никогда меня не торопила. Она оставалась с нами до момента, пока не приедет ее мама или папа. Она уезжала, а я, наигравшись, шел домой, звонил Ксюше и спрашивал, есть ли у нее желание позаниматься уроками. Она всегда говорила: конечно.

На протяжении года я часто оставался ночевать у Ксюши. Что для меня, что для ее родителей и для нее самой это стало настолько нормально, что, когда я не оставался у них было гораздо ненормальнее. Отец уже забыл, как я выгляжу, но как мне казалось, он не очень сильно расстраивался по этому поводу. Я никогда не буду любим своим отцом и уж тем более матерью. Это то, к чему я пришел.

Моя жизнь заиклилась. Изю дня в день одно и то же. Школа, Ксюша. В гости делать уроки. Ночевка. Школа, Ксюша. В гости делать уроки. Ночевка. Так шло ровно до восьмого класса. Нам было уже 13 лет.

Она вернулась из деревни, я был в Москве, как обычно. Я учился. У меня все еще ничего не было, что могло бы завлечь мою бурную молодость. Все лето я подрабатывал, раздавая листовки у метро. Я читал книги, бегая за ними в библиотеку. Ксюша отдыхала. Едва она вернулась, тут же принялась рассказывать, как она отдыхала.

Она бродила по дачным улицам, как и обычно. Как она это делала не первый год. У нее не было друга или подруги, с кем она могла бы проводить летние деньки. Каждый год были разные дети, о существовании которых ничего было неизвестно год спустя. Но тем летом, 2001 года, у нее появились друзья, о которых она с упоением мне рассказывала.

На даче, посреди садоводческого товарищества был небольшой пожарный пруд. Я никогда не был у Ксюши на даче, но почему-то именно этот пруд я представлял очень хорошо. Такой миниатюрный, может метров 20-25 в диаметре. С противоположных стороны вытоптаны подходы к воде. А по оставшемуся периметру растут листья камыша. Сам камыш уже оторвали дети, представляя, что длинные толстые палки – это какие-то неведанные животные. Игры с ними длились один день, а то и меньше, потом сердобольные бабульки выкидывали принесенный в дом детьми камыш, бубня о плохих приметах, о том, что горе-растение привлекает зло.

В мутной, грязной воде у берегов по весне спаривались лягушки, громко голоса. Знаете, как звучит лягушачья песня в мае? Громкие, kloкочущие звуки, булькающие в разном диапазоне, словно кто-то дует в трубочку, опущенную в стакан с водой. Потом лягушки замолкают. Под листьями водяных растений появляется множество икринок, из которых появляются черные каплеобразные существа без лапок, инопланетного вида – головастики.

Вот на них-то Ксюша и смотрела, сидя у воды, вспоминая мои рассказы об амфибиях. Они казались ей куда приятнее, чем ленточные черви, которых нам показывали на уроках биологии.

Рев машины вспугнул Ксюшу. Она выронила палку, которой ковырялась в илистом дне и отпрыгнула на стоящие позади бетонные камни, оставшиеся когда-то от строительных плит.

На берегу остановился вишневый жигули. Ксюша уже видела эту машину на днях, когда шла из магазина и поглощала вафельный стаканчик с мороженым. Едва машина притормозила, Ксюша увидела, как опускаются темные стекла и, не раздумывая свернула на улицу, проезд на которую был закрыт шлагбаумом. Ребятчи голоса что-то кричали ей вслед, но она лишь ускоряла шаг, чувствуя, как сердце практически выпрыгивает из груди от волнения. И вот теперь эта машина стояла прямо около нее. Двери раскрылись и с двух сторон вышли ребята, лет 17-18 на вид, не старше. Ксюша так и стояла в близлежащих кустах рядом с остатками бетонных плит. Пока трое из них рассматривали мутную воду, один парень подошел к ней. Ксюша рассказывала, как стучало ее сердце. Она ничего не слышала. Ничего кроме тишины и разряжающего ее стука сердца. Парень спросил, почему Ксюша убежала от них на днях и как ее зовут. Он спросил еще что-то. Она ответила. Диалог завязался сам собой. Они договорились, что вечером, часов в девять будут на пруду и пригласили Ксюшу. Она поспешно согласилась. Ребята поулыбались, прыгнули в машину, и уехали. Ксюша рассказала, какое облегчение испытала, когда вишневая семерка скрылась за поворотом. Она не понимала, почему так испугалась их, почему у нее была такая бурная реакция, заставившая ее прыгнуть в кусты.

Я внимательно слушал и живописно представлял описываемую картину. Мультики смотреть мы уже вряд ли будем – это я понимал потому, что Ксюша пока не расскажет все, что с ней случилось и все, что она пережила и почувствовала, она не оставит мои уши в тишине. Да и бог с ним. Мне было интересно послушать, что такое дача и как на ней молодежь проводит время.

Вечером того же дня Ксюша была озадачена вопросом: стоит ли ей идти на пруд? С одной стороны, ей не очень хотелось. Она всегда была немного застенчивой и ей требовалось больше времени, чтобы найти общий язык с незнакомыми людьми, тем более с такими взрослыми ребятами. И она была близка к решению никуда не ходить.

А с другой стороны, среди ребят Ксюша заметила молчаливого парня, неотрывно смотрящего на водную рябь, пока его друзья проявляли интерес к перепуганной девчонке. Именно его Ксюша хотела увидеть еще раз.

Когда она рассказывала мне о нем, у нее изменился голос. Он стал более тонким, более живым. Я бы даже сказал трепещущим. У нее расширились зрачки, глаза сверкали живостью, пока она рассказывала и постоянно спрашивала, понимаю ли я ее. Понимал ли я, как это здорово? Я кивал головой. Я просто кивал. На самом деле я ничего не понимал. Я даже не был уверен, а нужно ли мне действительно понимать ее эмоцию? И мог ли я?

Она досконально описала внешность того парня. Расписала, какие у него каштановые волосы, какой томный взгляд, зеленые глаза, кожа чуть смуглее, видимо, солнце уже постаралось над загаром. И именно то, что она хотела увидеть его еще раз, заставило ее выйти из дома и оказаться на пруду к 9 вечера.

Там никого не было. И это было чертовски печально. Надев самую лучшую дачную одежду, распустив светло-русые волосы, Ксюша горестно сидела на плитах, как Аленушка на берегу. Сколько прошло времени, Ксюша не знала, но продолжала сидеть. Что или кого она ждала – неизвестно, но чувство, что над ней откровенно поизмывались, набирало мощь с каждой пройденной секундой. Ксюша продолжала ждать.

Под ногами она палочкой изрисовывала пыль, смешанную с песком сухими палочками. Всякие узоры, которые она так любила рисовать на полях в тетрадах на уроках математики, появившейся физики и геометрии. Самые нудные, самые ужасные предметы во время которых Ксюша откровенно страдала. Наверное, страдала так же, как и на тех плитах.

Внезапно, за углом сзади располагающегося холма, плотно засаженным растущим молодняком деревьев, послышался гам. Я спрашивал ее, а какие деревья росли там. Ксюша пожимала плечами. Какая разница? Разве в деревьях дело? Я сказала, что, конечно же, нет, и спросил, что было дальше.

Гам состоял из хохочущих голосов, что-то говорящих и тут же смеющихся. Слышны были и девчачьи голоса, они в основном смеялись.

Ксюша отшвырнула палку и ногой стерла все узоры с песка, вскочив с камня, прикидываясь, что только что пришла, да и вообще, мимо проходила.

Из-за холма показались те самые ребята, которые познакомились с ней днем. Ксюша не запомнила их имена, они перемешались в голове, как не нужные и непонятные формулы. Но вот имя того зеленоглазого парня, с томным взглядом, она выдала сразу: Дима. И стоило ей вернуться к воспоминаниям о нем, как ее лицо опять примерило привычные мне метаморфозы. Я уже понял, что, как только речь будет заходить о Диме, я буду слушать вздохи и смотреть на произвольную улыбку.

С ними были девчонки, с которым тут же познакомили Ксюшу. Разве она могла запомнить все эти новые лица и имена? Нет. Самое важное имя для себя она уже запомнила.

Ребята расположились на тех самых плитах, где энное количество времени сидела Ксюша, исследуя рабочий инструмент первобытных людей. У них было две гитары и 20 прекрасных мужских пальцев, играющих на струнах. У них был набор песен, всем известных, только не Ксюше. Здесь присутствие последней техники сыграло с ней нехорошую шутку. Родители все время слушали шансон, а сама Ксюша с появлением телефона и сменой кассетных плееров на дисковые, слушала только русскую попсу. И я вместе с ней, так как я с музыкой был в очень тяжелых отношениях. Я, может, и хотел бы послушать что-нибудь сам, но как? Поэтому летом я часто был у метро. Там была моя любимая музыкальная платка. Из нее всегда слышался русский рок, который мне более-менее нравилось слушать. Судя по рассказам Ксюши, ребята, с которыми она познакомилась, тоже любили русский рок, потому что исполняли только эти песни. Никакой попсы. Но это, конечно же, не расстраивало Ксюшу. Она, привыкшая к разным стилям, нейтрально относилась к происходящему. Тем более вообще-то две гитары порой очень красиво звучали между собой. Да и ребята пели хорошо. Да и один из поющих и играющих был Дима.

Помимо красивых гитар у молодежи оказалось две бутылки водки, да и в сигаретах они не нуждались. От предложенного угощения Ксюша отказалась. Все это выглядело опасно и страшно. Пугала не водка и то, как она скажется на юном организме, а то, что сделает бабушка, узнай она, что любимая внучка заявила пьяной среди ночи. Расскажет ли она маме? Или того хуже – папе? Тогда скандала точно не миновать. Скандал ей был не нужен. Все, что ей было нужно – это смотреть на зеленоглазого Диму и тихонько вздыхать.

С того дня она каждый день бегала на пруд по вечерам. Иногда они сами заходили за ней, что, конечно, радовало Ксюшу. Она рассказывала мне об эксперименте, когда осталась дома, решив посмотреть, нужна ли она растущей компании. И не объявившись на пруду, Ксюша услышала голоса, зовущие ее около дома, громко выкрикивающие ее имя: Ксю!

Ксю? Я был удивлен, услышав эту часть истории. Мы с Ксюшей вместе учились с третьего класса, и я лучше всех знал, что она не любит, когда ее называли Ксения и уж тем более – Ксю. Она всегда настаивала на Ксюше. Это правило не работало в отношении учителей. Я видел, как мелкой дрожью передергивает ее лицо, когда тот или иной учитель открывал журнал и говорил Ксения. Я слышал тяжелый агрессивный вздох, секундное молчание не потому, что она не знала ответа, а потому что проходила стадия смирения и принятия, что теперь она – Ксения.

Я не стал выпытывать, почему им можно было называть ее Ксю, а я все еще должен был говорить Ксюша. Я хотел спросить, но перебивать струящийся рассказ не хотел, да и ради чего? Разве сложно было мне называть ее Ксюшей, когда она всегда была Ксюшей для меня? И обра-

щаясь к ней лично я всегда говорил Ксюша, но едва личный контакт исчезал, я возвращался к Ксю.

Все лето проходило в таком темпе. Она спала днем, ночью гуляла со своими новыми друзьями. Просыпалась вечером и ждала, когда настанет то самое время, когда она снова увидится с Димой.

Забавно для меня было то, что рассказ не имел окончания. Прошел месяц. Два. Три... А Ксюша продолжала рассказывать. Иногда она повторялась, но все равно говорила так, словно первый раз рассказывала о своих гуляниях. Она воодушевлялась каждый раз, когда речь заходила о зеленоглазом парне. Но она совсем не хотела воодушевляться уроками. Она отвергала все, что пытались вложить в нас учителя. Я столько сил тратил, пока занимался с ней! С одной стороны, мне было гораздо легче запомнить новый материал, потому что пока я пытался донести его до Ксюши, он не просто запоминался. Он въедался в мое подсознание, в мои инстинкты. В какой-то момент я просто знал, что то или иное уравнение – неправильно. Я не мог объяснить, я просто знал, как те вещи, которые человек делает инстинктивно. Но Ксюша меня не слышала. Я видел, что она не со мной. Ее глаза заворуженно смотрели куда-то прямо перед собой, вроде на математические и геометрические формулы. Но я был готов спорить, что они на самом деле не видели ни единой цифры на странице. Ксюша внезапно начинала рассказывать о Диме и его голосе, о песнях, которые были прекрасны только потому, что их пел Дима.

Я снова усаживался слушать истории. Я смотрел в стол, неспешно, умиротворенно колыбал ручку в воздухе. Я ждал, когда Ксюша будет готова снова вернуться в реальность к изучению ненавистных ей предметов. Она возвращалась. Или делала вид, что возвращалась. Мы занимались, занимались и снова занимались.

Я снова и снова оставался у нее на ночь. Мы спали в одной кровати. Но уже в восьмом классе я осознал, что мне непривычно смотреть на нее. Что же случилось с моей подругой, с которой мы дружили с третьего класса?

Мы смотрели Фредди Крюгера по виду, хотя Ксюшины родители еще не сочли нас достаточно взрослыми и самостоятельными для ужастиков, но на ночь нас вдвоем оставляли. Я не смотрел ужастики. Я не слышал жуткие крики и страшные мольбы о пощаде. Я задумчиво смотрел на ее тонкие костлявые пальцы, крепко сцепившиеся в мою ладонь. Зачем? Зачем она так сжимает мою руку? Я поднял взгляд чуть выше. Майка. С широким и глубоким декольте. Лифчик, скрывающий едва появившуюся грудь. Я почувствовал сухость во рту. Взгляд пал ниже: нога на ноге, крепко сжимаются, вздрагивая от очередного мерзкого кадра на экране. По ним уже прошла бритва, удалившая первые волоски. Я был уверен, что там, в причинном месте, у нее тоже все было гладко, как ее ноги и руки. Сухость во рту переросла в нечто большее, в засуху космического масштаба. Я едва мог разлепить губы без боли и усилия. Я снова поднял взгляд. Ее лицо. Глаза восторженно и в то же время испуганно, но неотрывно смотрели на мерцающий в полутьме экран. Там Фредди кромсает очередную жертву. Я же смотрел на лицо Ксюши. Я катался по нему как на шортборде по разъяренным океанским волнам. Ее губы чуть сжаты, иногда вздрагивают. Глаза часто моргают, когда экшн взрывает телевизионную реальность. Носик тихонько дышит, посапывая словно спящий котенок, запутавшийся в шерсти рядом с мамой. На щеке большой красный прыщ, расковыранный, с засохшей коркой плазмы и сукровицы. Ксюша не видит моего взгляда. Она не видит моего понимания и осознания того, что мы больше не можем ночевать вместе. Ксюша пока еще не понимает, что я осознал. Я осознал самую страшную откровенность, которую только мог. Самая страшная, жуткая, зловещая, изничтожающая правда открыла мне глаза, отрубив тупым топором мои толстые веки. Ксюша – девочка! Она практически девушка. И я только сейчас это увидел! Едва я увидел это, как почувствовал, как твердеет между ног бесстыдная страсть, вновь нагло заглядываясь на растянутую горловину домашней майки, слегка обнажающей ее грудь. Едва я

осознал дифференциальную природу своего друга, я тут же вернулся к просмотру кровавых, отвлекающих сцен с Фредди. Ксюша снова сжала мою руку...

Теперь наши встречи проходили за просмотром ужастиков, которые Ксюшины родители не позволяли нам смотреть, ссылаясь на еще не окрепшую детскую психику. Но мы все равно смотрели. Это же чертовски интересно! Страшно! Адреналин вырабатывается, приятно щекоча нервы. Мы смотрели зарубежные ужасы и поражались увиденному. Потом Ксюша кричала по ночам. Я часто будил ее, возвращая в реальность, заставляя проснуться. Она открывала глаза, смотрела на меня словно пьяными глазами, называла Димой и падала замертво спать. Я не спал. Я не мог больше спать с ней рядом, осознавая ее просыпающуюся, расцветающую подростковую красоту. Я сам был ребенком. Я чувствовал себя ребенком. Я не хотел смотреть фильмы с Фредди Крюгером и Ганнибалом Лектором. Честно говоря, я все еще хотел смотреть мультики, есть шоколадки и конфетки. Мне не нравились насильственные сцены в фильмах, которые Ксюша была готова смотреть снова и снова. Я все еще хотел железную дорогу на бата-рейках. Я не хотел больше слушать о даче, о парнях, о гулянках. Но я покорно смотрел то кошмары, то на формирующуюся девушку рядом.

После первой четверти с Ксюшей начали твориться странные штуки. Она принялась отчаянно хамить всем учителям, кроме учителя по русскому языку и литературе. Ее выгоняли с уроков, в дневнике появлялись записи о кощунственном поведении, неподобающем ни школьникам, ни тем более девочкам. Ее родителей просили явиться в школу. Ксюша становилась не управляемой. Родители ругались на нее, очень много говорили о позоре и стыде, вызвали к ее некоторым чувствам, которые очевидно еще не были сформированы. Она отрицала все, что ей пытались донести.

Она предлагала прогуливать математику, потому что ее тошнило от этого урока. Я соглашался. Мы уходили на стройку. Ксюша превосходно лазила по выступающим каменным плитам. Сидела на самом краю, свесив ноги, задорно болтая ими, словно сидела на мосточке, опустив босые ноги в теплую воду погреться, поплескаться. Ксюша улыбалась, прищурившись как жирный, только что наевшийся сметаны, кот и смотрела на небо. И неважно, какая была погода. Была ли это жара, непривычная для поздней осени, или это был собачий, промозглый холод, кусающий за лицо без спроса.

Она часто смотрела в небо. Говорила или пела. Ксюша пела песни, которые раньше не знала. Не знал их и я, но со временем, проведенном на стройках и крышах, я выучил их наизусть.

Мы прогуливали биологию и алгебру. Мы плюнули на геометрию и физику. Не думали мы и о химии. Мне становилось тяжело восполнять потерянные знания и одновременно лазить по стройкам. Я начал переживать и уговаривать Ксюшу не забывать так резко о школе, не отворачиваться от нее, ведь ни Ксюша, ни я не были готовы к такому отречению. Ксюша лишь посмеялась в ответ и на мое предложение вернуться на уроки, взяла меня за руку и сказала: «следуй за мной». Я последовал. Мы поднимались на лифте на крышу шестнадцатиэтажной высотки. Дверь на чердак оказалась не запертой. Мы вышли на крышу, и взору предстала Москва, раскрыто лежащая на ладони с маленькими домиками, с низкорослыми башнями вдалеке. Облака, не имеющие границ, ни начала, ни конца, накидывались на стремящиеся ввысь дома. Они были похожи на туман, но он был так непривычен для Москвы, чужд и вычурен. Московский смог – это не лондонский туман. Я смотрел на Москву чуть больше мой ладони. Ксюша пела. Она так любила мечтать и никогда не стеснялась мечтать при мне. Она стояла у края крыши и смотрела на останкинскую башню.

– Мы скоро будем счастливы, – шептала она. – Мы будем самыми счастливыми. Неважно, что сейчас тебе кажется, что для счастья нет повода. Надо просто подождать.

И я ждал. И она ждала. Потом она спрашивала, помню ли я, как мы играли во взрослых в третьем классе. Ксюша была учителем русского языка и литературы, а я был ученым. Ксюша

утверждала, что мы были совсем недалеко от познания детского счастья. Я верил ей, внимая ее словам и победоносному взгляду вдаль с крыши. Она выглядела так, словно уже знала, что нас ждет и словно она уже победила в своей войне.

Потом Ксюша перестала звать меня в гости. Сама исчезла на неделю, может на две. Я ждал ее возвращения. Конец третьей четверти. Я звонил Ксюше после школы. Трубку снимала Анастасия Евгеньевна, сообщала, что Ксюша пришла из школы, бросила портфель, заявила, что ничего не задано и ушла гулять. Это правда? Каждый раз Анастасия Евгеньевна спрашивала, правду ли сказала ее дочь, прежде чем уйти гулять. Я молчал. Закрывал глаза. Шептал: чистая правда. Только правда. Анастасия Евгеньевна тоже молчала и говорила, что Ксюша перезвонит, когда объявится дома. Но она не перезванивала. Мне снова нечего было делать. Я занимался учебой и своими прогулками.

Спустя пару недель буквально за день до весенних каникул я стоял на школьном крыльце, когда в ворота влетела машины Ксюшиного папы. Ксюша выскочила из машины, хлопнув дверью.

– Ты не Ксюша, – громко заявил ей вслед Алексей Федорович, – ты... скотина!

Я опустил глаза, старательно делая вид, что не слышал не очень нежного эпитета, которым обласкал Ксюшу ее отец. Он нажал на газ, машина резко развернулась и помчалась прочь со школьного двора. Ксюша стояла ровно посередине нарисованных классиков и вытянув руку, показывала средний палец удаляющейся машине. Я надеялся лишь на одно, что Алексей Федорович не видит, какие неприличные жесты показывает его дочь. Действительно, она уже не Ксюша. Она не та маленькая девочка, сидящая рядом со мной за партой, коряво рисующая прописную букву д. Она повзрослела, и я почти не узнавал ее.

И, наверное, это было нормально. Я и себя не узнавал. Я сдружился с ребятами из школы соседнего района. Мы иногда кидали друг другу мяч на квадрате. Просто сидели на трубах, проходящих по периметру их школы. Иногда мы дрались. Как дрались, нас мутузили старшеклассники и у них на то всегда были причины: то мы не дали им денег, которых у нас, в принципе, не было; то не угостили их сигаретами, а я вообще не курил; то мы просто косо посмотрели на них. Как я уже говорил, причин было гораздо больше, чем я назвал. Каждый раз, когда я понимал, что старшеклассники движутся в нашу сторону явно не для того, чтобы обмениваться любезностями, я думал, что вот сейчас, сейчас я разобью их, я смогу постоять за себя и своих друзей. Но каждый раз я только все больше и больше получал. Мне то и дело ломали нос, разбивали брови, оставляя фиолетовые дали под опухшими глазами. Я не понимал одного: в школе училась куча ребят, почему лупили только избранных?

Я же все надеялся, что когда-нибудь мои спагетти превратятся в настоящие руки, используя которые я смогу, наконец, постоять за себя.

Ксюша, разъяренная, обиженная на родителей, отправилась в школу, пройдя мимо меня. Это было очень странно. Я решил не докучать ей своим присутствием, пошел к классу. Мне уже было привычно идти к кабинету с одним лишь рюкзаком. Столько лет я носил ее портфель, а теперь она, совсем самостоятельная, держит его сама, нагло демонстрируя готовность быть сильной во всех планах. Так ведь я и не претендовал!

Но в классе она села ко мне за парту. Здесь она не изменила прошлому, придерживав шаткое настоящее. Хотя я не знаю, что усадило ее рядом со мной: алгебра или все-таки дружба.

Ксюша шептала и шептал мне на ухо и на третьем замечании, пораженная до глубины души учительница, впервые выгнала меня с урока вместе с Ксюшей. С моего любимого урока. И вот мы снова сидели на крыше шестнадцатизэтажного здания. Ксюша рассказывала, где пропала. А я злился на нее из-за алгебры.

Оказывается, она поехала на Тимирязевскую встретиться с одной девчонкой с ее дачи. Ксюша ждала ее, стоя в начале длинного подземного перехода. Подруга опаздывала. Ксюша, с распущенными волосам, в коричневой косухе и частично выбеленных белизной джинсах,

стояла и настырно ждала дачную подругу, или кто она ей там была, знакомую. В ушах – плеер, поют любимые песни, которые Дима так часто пел своим ангельским голосом под гитару у горящего костра посреди ночи. Что там было? Ария? Кино? Черный кофе? Я не знал, но что-то из этого.

К ней обратился молодой человек, искавший покурить. У Ксюши не оказалось сигарет, что удивило парня. Столько непривычно взгляду – девушка-неформалка, в балахоне, торчащем из-под расстегнутой косухи, не курит. Он поинтересовался, пьет ли она. На этот вопрос его тоже ждал отрицательный ответ. Молодой человек восхитился удивительной Ксюшей и исчез, успев поздороваться с только что появившейся дачной подругой. А потом Ксюша заговорила о сошедшихся вместе звездах.

Когда Ксюша вечером вернулась домой, в ее комнате тут же раздался звонок городского телефона. Звонил парень, с которым она премило болтала у метро. А вот, собственно, в чем сошлись звезды. Ксюшина подруга, возвращаясь назад в метро, по совершенно невозможному и странному стечению обстоятельств, столкнулась с парнем, который общался с Ксюшей. Он попросил номер ее телефона и получил его без колебаний и долгих раздумий. Вот почему без колебаний и долгих раздумий он звонил Ксюше.

Я слушал ее восторженный шепот, смотрел на ее лицо. Ксюша сидела близко ко мне, облокотившись на мое плечо. Чуть стыдливо улыбалась, опуская глаза. А я все еще злился из-за алгебры и канувших в некуда уроков в тот день.

Она встретилась с ним на следующий день на Фрунзенской вместо уроков. Как его звали? Макс. Да, его звали Максим. Я еще злился и думал об алгебре.

Максим пригласил Ксюшу в гости, сказал, что живет недалеко от метро и дома никого нет. Ксюша согласилась. Я затаил дыхание. Что на ней было надето в тот день? Видел ли Максим в ней ту девушку, которую видел в ней я? Что Ксюша показала ему? Что позволила увидеть? Мне было уже не до алгебры.

Максим целовал ее, а Ксюша, с розовыми щеками сидела на краю скрипучего дивана, чувствуя, как жар захватывает тело. Он повалил ее на диван, и она сжала руки на груди, пунцовая от смущения.

– Ты девственница? – спросил Максим. Она кивнула в ответ.

Девственница. Я думал об этом слове. Оно отвлекло меня от животрепещущего рассказа. Она была девственницей! О, а я ведь даже не думал об этом! Теперь она выглядела еще больше девушкой, чем я осознал тогда, когда обратил внимание на ее появившуюся грудь. Как похабно звучало это слово в моих ушах. Мне стало даже мерзко. Я хотел, чтобы Ксюша больше ничего не рассказывала мне о Максиме, потому что с каждой секундой мне все больше хотелось назвать его козлом. Но Ксюша, счастливая, воодушевленная, продолжила свой убийственный рассказ.

Он снял с нее штаны. Затем трусы. Я закрыл глаза, перестав дышать. Пусть хоть что-нибудь случится! Пусть рухнет дом, на крыше которого мы сидели. Пусть что-нибудь случится, что заставит замолчать Ксюшу.

Он раздвинул ее дрожащие ноги, расположившись между. Юный, глупый паренек. Ему было 17! Ксюша прикрыла руками грудь, едва дотянувшую до второго размера. Он возбужденно ерзал, терся пахом о ее промежность. Меня тошнило. Я воочию слышал, как его пубертатные волосы, жесткие, скрученные в неровные спирали и штопоры, терлись о ее гладко выбритый лобок. Я еле сдерживался, чтобы не изрыгнуть пустоту утреннего завтрака. А Ксюша неумолимо продолжала свой нечеловеческий рассказ, ближе прижимаясь ко мне, шепча уже практически на ухо. Я же сидел ни жив, ни мертв. Господи, как я хотел посмотреть мультики или даже Фредди Крюгера!

Он напряг свое подростковое достоинство и устремил на цель. Он двинул бедрами, уткнувшись в ее лоно. Движение вперед. Сильное и резкое. Он соскользнул и потерял траекто-

рию. Я успел вздохнуть и выдохнуть, прежде чем Ксюша продолжила свой рассказ. Они долго мучались и пытались, но мне казалось, что ее крепость неприступна. Ни один дракон был не в силах сломить ее, ни одна армия. Но Максим смог.

Ксюша злорадно, самолюбующая произнесла, что теперь она – не девственница. Я забыл об алгебре и физике. Я забыл о биологии и химии. Ксюша была горда собой, так ей нравилось рассказывать об этом. Она снова и снова спрашивала меня, понимаю ли я как это здорово.

Я спросил ее, почему она решила расстаться с невинностью именно так. Почему первый встречный, а не любимый человек? Она улыбнулся в ответ. Потому что он понравился ей. Потому что у него милая родинка на щеке. Потому что у него симпатичное лицо.

А потом оказалось, что у него была девушка. Парень решил порвать с ней из-за Ксюши. Они снова встретились на Фрунзенской. Ксюша подъехала как раз к тому моменту, когда Максим прощался со своей возлюбленной. Та передала его в руки Ксюши как некий артефакт, попросив следить за ним, словно он – старинный хрустальный фужер на полках бабушкиного серванта. Придя домой, Максим помог Ксюше снять джинсовку, опустится перед ней на колени и с полными слез глазами, сообщил, что очень любит свою девушку и жить без нее не может. Ксюша улыбнулась и самоотверженно отпустила его, предварительно, конечно, воспользовавшись телами друг другом.

Я слушал ее рассказы. Я чувствовал, как она прижимается ко мне все ближе. На самых сакраментальных моментах ее голос срывался на густой, плотный шепот, страстный и отчужденный. А мне было противно это слушать, настолько противно, что я едва держался, чтобы не броситься к лифтам, пробежать с крыши откровений.

Я спросил ее, зачем она все это рассказывает мне. Я был ее другом. Вот в чем причина! И, действительно, мы так плотно общались. Мы всегда делились самым сакраментальным, тихонько хихикая. И почему я удивлялся тому, что Ксюша рассказывала мне о своих приключениях? Ведь вначале она рассказывала свои мечты о том или ином мультяшном герое. Став чуть постарше, в ее комнате стали появляться постеры взрослых мужчин, актеров и певцов. Ей нравилось смотреть на них. Я никогда не спрашивал себя, почему. Я просто воспринимал это как должное. Так ведь все девчонки делают! Они обязательно любят актера или певца, развешивая его физиономию по всей своей обители. Они страдают из-за недоступности любимой знаменитости, а потом постепенно у них появляются кумиры в реальной жизни. А я ведь друг. Разве я не выслушивал о мультиках и знаменитостях? Так в чем же сейчас дело?

Я спросил ее, не обидно ли ей от того, как сложилась ситуация. Не хотела ли она связать с ним свою жизнь и жить долго и счастливо? Ксюша рассмеялась. Ей было наплевать на Максима. Она заинтересовалась сексом. Ей было очень интересно попробовать, что же это такое – интимная связь между мужчиной и женщиной. Об этом так много говорят. И едва подвернувшийся парень сыграл роль стартера. Ксюше было достаточно, что он мужского пола, и он симпатичный и имелось желание. Она описывала свои страхи. Оказывается, ей было страшно, но я узнал об этом только когда спросил, боялась ли она.

Вечером я проводил ее домой. Ксюша пригласила меня к себе, как обычно посмотреть ужастики на ночь. Одной ей было страшно смотреть. Она боялась спать. А так я был рядом и Ксюша, обняв свою Китти, засыпала, будучи уверена, что теперь ни одна сущность ей не грозит. Но я отказался. Я сослался на прогулку с друзьями и ушел. Я больше не хотел слушать о сексе и Диме. Я устал.

Восьмой класс заканчивался. Ксюша становилась изгоем в классе. Учителя выгоняли ее с уроков за открытую насмешку вначале над предметом, потом уже над ними, над их личностями. Ксюша скатилась по оценкам на едва выплывающий минимум. Одни тройки. Со мной она перестала заниматься. Стоило мне предложить отработать тот или иной урок, как Ксюша смеялась и говорила, что с нее хватит. Она отказывалась запоминать нескончаемую громаду знаний. Ей надоело вставать по утрам. Ей надоело сидеть за партами и пытаться понять то,

что ее совсем не интересовало. Она часто задавала мне вопросы, зачем ей нужно знать, как размножаются растения. Или зачем ей нужны равенства? Зачем ей знать массу и скорость не существующих машин? Взамен она тащила меня на улицу. Гулять. Свежий воздух даст гораздо больше, чем зазубривание бесполезных алгебраических функций. Я лазил по крышам вместе с ней. Я никогда не был против. Я лазил по крышам и подвалам вместе с ней. И я вспоминал о ней, как о друге, когда она, наконец, становилась собой, той которую я знал раньше. Той, к которой я привык. Она переставала говорить о своих мужчинах и ударялась в мечты. Я любил слушать ее мечты. Они всегда были такими светлыми! Я даже немного завидовал ее способности во всем видеть позитив.

Дни шли за днями. Последняя четверть опустилась как легкий утренний туман, который практически также незаметно исчез, но Ксюша успела продемонстрировать мне еще некоторые метаморфозы. Она закурила. Просто закурила. Просто вышла на перемене с одноклассницами. Они прикурили. Угостили и Ксюшу. Та не отказалась. Кашель мгновенно окутал ее легкие. Ей не понравилось то ощущение, которое она испытывала. Очень не понравилось. Но Ксюша не расстраивалась. Она затянулась еще. И еще. И еще. Она курила пока не перестала кашлять. А потом она просто курила. Я тут же кинулся отговаривать ее, уговаривать прекратить это пагубное дело. Ксюша протянула мне пачку и предложила попробовать. Мне непременно понравится, ведь это так здорово. Какая-то отдушина, палочка помогающая помечтать. Я достал сигарету из предложенной пачки. Была не была. Вспыхнул яркий, взвившийся вверх огонек и поджог сигарету, торчавшую у меня во рту. Я повторил все то же самое, что и было с Ксюшей. Вначале кашель, потом вроде интересно. Но потом последовал логичный вопрос: зачем?

Ксюша улыбалась. Она рвала все рамки, которые ей пытались навязать общество, родители, этикет и какие-то нормы. Даже мои просьбы воспринимались ею порой отрицательно. Я старался не навязывать ей свои точки зрения. Просто проглатывал ее нежелание мириться с общественными устоями. Это ее право, в конце концов.

Потом она пьяная в хлам заявила в школу. Я даже не сразу понял, что с ней. Ксюша начала говорить со мной, и я почувствовал запах, готовый сразить самого Антея. Мне пришлось, в буквальном смысле, схватить ее за руку и бегом бежать из школы.

Тогда она впервые пришла ко мне в гости. Раньше Ксюша не допускалась до моей убогой разваливающейся квартиры. Мне просто было стыдно приглашать даже самых отъявленных бомжей, не говоря уже о Ксюше. Я боялся за ее моральное состояние, за то, как она воспримет мою хибару после своей роскошной квартиры с дорожным ремонтом. Но в тот момент, когда Ксюша висела у меня на руках, как ветхая старая половая тряпка, да и пахущая так же, я просто не мог отправить ее домой. Если дома окажется кто-то из родителей до момента, пока она отрезвеет, то ее просто прибьют. Я отчаялся и уложил ее в свою кровать. Сам я сидел на кухне, курил сигареты, которые научила меня курить Ксюша. Сидел и думал. В моей комнате лежит пьяная в стельку девушка, моя подруга. В соседней комнате храпит отец перед ночной сменой, уже пожизненно пропахший спиртом. Как же мерзко! Я пнул стул. Стол. Хотелось треснуть по стене, что-то сломать, что-то уничтожить, но я не хотел издавать лишних звуков в малогабаритной квартире. Я не хотел разбудить никого из двух спящих пьяных тел. Я одно понимал, что ненавижу алкоголь. Ненавижу спиртосодержащие напитки. Никогда не притронулся к ним. Как громогласно, неправда ли? Я стал свидетелем, как из-за спирта рухнула жизнь моего отца и никак не мог понять: он не хотел видеть последствия или он до сих пор еще не понял, что все потерял? А теперь моя подруга.

Потом она снова уехала на дачу, всячески избегая открытого разговора. Я правда пытался донести до нее спиртуюзную беду, которая может случиться, если так сильно отдаваться спирту. Ксюша вначале смеялась надо мной, говорила, что я, как всегда, слишком драматизирую.

Потом начала злиться. Потом я понял, что я не ее родители и не имею права нарушать и вмешиваться в череду событий ее молодости. У меня не было права на это.

Когда ее не было рядом, мне было намного легче. Летом я не расслаблялся. Я пытался поднять весь материал, который очевидно упустил во время учебного года. Я слишком много времени провел на чердаках, крышах и в подвалах вместо того, чтобы заниматься тем, что мне было интересно. Ксюша – моя подруга, но она отстраняла меня, как только я выходил за рамки дозволенной дружбы. Она смело заявляла, что я не имею права мешать ей испытывать свою молодость. Вот так. Она испытывала то, чем владела, а я пока еще не понимал, что именно могу испытать сам. Я только недавно расхотел смотреть мультики. Я явно отставал в развитии от своей подруги. Мне казалось, что я во век не успею за ней. Она скачет галопом, пробует все, что попадается на пути, как дикая мышь, подбегающая ко всему, что лежит перед ней. Все, что не вызывало интереса, она тут же отшвыривала за ненадобностью. Зачем тратить время на то, что изначально просто не нравится, а вдруг потом еще тошнить начнет? Я же боялся так рисковать, мне требовалось гораздо больше времени, чтобы детально, досконально обнюхать найденный предмет. Я хотел подержать его в руках, почувствовать, каков он на ощупь. Лето промчалось и привело с собой еще более небывалую кучу рассказов и начало девятого класса.

Ксюша вернулась загоревшей и совсем взрослой. У нее был такой осмысленный взгляд, и я поражаюсь изменениям. Она расцвела. На щеках была уже пара прыщей, но они никак ее не смущали. Она, раздухаренная, заявила, что ей надо срочно рассказать, как у нее дела, хотя я не спрашивал. Я откровенно боялся спрашивать о ее делах и то, что я услышу в ответ.

Дима. Тот самый парень с томным взглядом с ее дачи. Что ж случилось? Оказывается, теперь они встречаются. Я спросил, спят ли они. Ксюша с долей укоризны в глазах посмотрела на меня. Как же они могут спать, если он живет с родителями, да еще и с сестрой. Да и Ксюша не была одна. К тому же Дима – девственник. Ксюша сказала это так, словно обвинила парня в каком-то страшном, уголовном преступлении, которому нет прощения. Почему-то из ее уст слово девственник прозвучало именно как оскорбление, и я был рад, что Дима лично не слышал этой напыщенно-издевательской интонации от его... девушки.

Ксюша рассказала, что они целовались. Он провожал ее домой на даче в полной темноте. Не было ни магической луны, ни простых человеческих фонарей. Они остановились около ее дома, спрятанного за забором. Он смотрел в ее глаза. Ей хотелось, чтобы он смотрел в ее глаза. Как в романтических фильмах. Что он делал на самом деле во тьме никому неизвестно. Она-то точно смотрела на него. На его губы. Так как оба были поддатые, выпивши водки, они чудом погрузились в долгожданный поцелуй. И тут Ксюша улыбнулась. Оказывается, Дима, помимо того, что был девственником, совершенно не умел целоваться. У него зажатые губы, как два камня, которыми он, казалось, бездумно тыкался в ее губы. Это был самый нелепый поцелуй в ее жизни. Скорее жуткий. Но Ксюша сделала ему скидку. В этом деле время – хороший учитель, главное не тратить его впустую.

Пока Ксюша болтала о том пьяном поцелуе, я думал лишь о двух вещах. Сколько выпила Ксюша за все лето? Как целовался я? И оба вопроса настолько были актуальны для меня, что я даже не мог расставить приоритеты. Ксюша же продолжала вещать, и пока продолжалось вещание, ответ на первый вопрос я услышал. Водки было выпито очень много. Каждый вечер они пили. Они встречались на пруду, заходили друг за другом, шли петь песни под гитару и пить водку, курить сигареты.

– Неужели тебе и правда так интересно вот это все? – спросил я, перебив ее очередной рассказ. Она так посмотрела на меня, что внезапно я ощутил себя маленьким ребенком на званом ужине родителей, где во всеуслышание спросил, что такое трахаться. Она ответила мне, что главное – это весело. Если есть весело, значит, будет и интересно, и вытекающие отсюда добродетели. Она вообще считала веселье своим девизом.

Я пытался выяснить, что значит весело в ее понимании. Ведь это такое емкое, весомое слово, значение которого каждый видит по-своему. Но Ксюша конкретики мне не дала. Для нее весело было все. Ее жизнь была весельем. Секс, спиртосодержащие напитки, табак, ночные гулянки – это все было весело. И если хоть что-то разбавлялось грустным, Ксюша незамедлительно избавлялась от этого. Честно говоря, в какой-то момент я начал опасаться, что я становлюсь ей не интересен. Ну что ж, я должен был поддерживать ее живой интерес в моей дружбе.

Ксюша посвящала меня все глубже и глубже в свое умершее лето. Оказывается, там был еще один *друг*, который и помог сойтись влюбленным. Теперь после уроков Ксюша моталась туда, где жила ее подруга, а недалеко и Дима. Дамочка с дачи учила Ксюшу красиво наносить макияж, постоянно выпрямляла ей плечи. Она всячески делала вид, что является самой настоящей подругой. Ксюша верила. Для меня эта история трогательной девчачьей дружбы выглядела так, что Ксюша была безотказным экспонатом. С ней можно было делать, что угодно, ей можно было говорить, что угодно. Она все сделает и, сконцентрировавшись, выслушает. Почему, когда я что-то советовал ей, рекомендовал, Ксюша лишь улыбалась в ответ, но никогда не внимала моим советам? Вместо этого я все чаще слышал, что я становлюсь слишком рано взрослым и дотошным занудой. Но нет же! Нет! Я не мог взрослеть так быстро! Просто мое веселье в ее глазах звучало как панихида, а она не хотела ничего слышать из похоронного жаргона.

Ее родители становились невыносимыми для нее. Они то и дело осуждали, укоряли и порицали ее поступки. Ксюша плевать хотела на обидевшегося отца, переставшего разговаривать с ней. Плевать она хотела и на мать, льющую слезы, умоляющую никуда не ходить, взяться за голову. Ксюша все равно уходила к нему, ни разу так и не добравшись до него. Она все время оставалась у своей подруги и вместе они строили планы и стратегии, как добраться до Димы.

В один прекрасный вечер подруга сообщила, что знает, где территориально живет Дима. И, загоревшись безумной идеей, они вдвоем поехали в район, где жил Дима. Девчонки метались между трех длинных девятиэтажек. Подруга утверждала, что в одной из них находится возлюбленный Ксюши. Я не знаю, сколько времени продолжались поиски Атлантиды, но я совсем не удивился, когда Ксюша финализировала тем, что они никого не нашли несмотря на то, что даже кричали его имя под окнами каждого подъезда. Я улыбнулся, представляя как глупо они выглядели, бегая между домами, истошно вопя имя Дима. Я спросил, на что она надеялась. В ответ получил ядерной волны взгляд.

Как-то после уроков мы пришли ко мне. Отца не было, очевидно он был на работе. Из школьного рюкзака я вытащил пузырек водки, сушеных кальмаров и сигареты. Ксюша держала меня за руку, в предвкушении ожидая, когда мы, наконец, в очередной раз почувствуем себя взрослыми. Как же сильно мы скорее стремились почувствовать себя взрослыми. Одного мы не понимали: быть взрослым – это не просто чекушка водки и пачка не самых лучших сигарет. Это еще и просмотр нудных TV-шоу, где постоянно хихикают одни и те же голоса за кадром; бурное обсуждение политики и спорта по утрам перед началом работы; крики о начальстве, которое уже практически априори не должно устраивать; считать ежемесячно квартплату, покачивая головой, удивляясь, какого черта, за что; ныть по вечерам, что смертельная усталость фактически по кускам разбирает тело и мышцы, словно детский конструктор; иметь собственную аптечку, содержимое которой пополняется чем-то новым раз в полгода. Быть взрослым – это потеря времени. Взрослые не видят, как на самом деле тянется время. Они уверены, что после выпуска из университета, устроившись на работу, временное русло больше никогда и ничем не сможет быть приостановлено, разве что смертью. Полная остановка, без возможностей и прав хоть как-то запустить это время снова.

Понимая мерзкую, скучную до отвращения неинтересную перспективу бытия взрослого, я честно дезертировал, думая, что я ничего не хочу от взрослой жизни. Мне ничего не надо. К черту взрослых, я всегда хочу быть ребенком. Ну, может, подростком. Ксюша не понимала,

что сигареты, водка и секс – это далеко не предел взрослой жизни, что впереди еще не одна парная куча говна.

В общем, пока мы были готовы делать только минимум взрослой жизни – пить и курить.

Рюмка за рюмкой. Я все меньше морщился. С каждой выпитой рюмкой, водевиль уже не казалась такой противной. Ксюша пила так словно всю жизнь пила только водку. Она чуть морщила носик, громко выдыхала, закусывая все матерным словом, известным всей России, имеющим не охватываемую семантику и смыслы. Может, ей так было легче, я не знаю. Я, конечно, тоже цитировал то слово, но мне этого было недостаточно. Я бы точно не отказался от маринованного огурчика. Но то была бы уже слишком сложная комбинация: купить водку, сигареты, кальмаров и еще банку огурцов практически на сто рублей. Поэтому я, запихав шепотку сушеных трупов кальмаров в рот, от чего стал похож на морское чудище, огромного сома с шевелящимися усами, простопил. Я усиленно жевал мясо, представляя, что у меня во рту огурец и ждал, когда же, черт возьми, я проглочу его.

Ксюша уже наполняла пустые стопки, что-то рассказывала. Я не слышал ее из-за моих слишком громко жующих челюстей и оттого, что становился пьян. Ввиду своей кондиции, Ксюша казалась мне трезвенницей. Она не выглядела пьяной, от нее не пахло подгулявшим трупом кальмара и мерзкой водкой.

Она смеялась, шептала о чем-то с более сильными эмоциями. Мне точно надо было ее слушать, но я не мог. Я сконцентрировался на ее шевелившихся губах. Взгляд снова скользнул на декольте ее майки, ноги и снова губы. Это же девочка! Вот спиртовая подруга снова привела меня к философии. Я опять осознавал половую принадлежность Ксюши. Она – друг – девочка! У нее есть все, что есть у других, но других я сразу идентифицировал как девочек. Будучи трезвым, я всегда думал, что Ксюша – бесполоая. Она же друг! У друзей нет гениталий. Никаких. Никогда. До момента, пока не соприкоснуться с водкой. Алкоголь оказывается так любит правду. Чем больше ты пьешь, тем больше он пытается оголить правду. Показать то, что, может, ты и сам знаешь, но гораздо проще жилось, когда правда была замазана сверху радужными розовыми красками. И тут водка – вуаля! Словно ацетон, разлитый на яркий холст, сжигает и сжигает всю лживую красоту и вот тебе, держи говно на блюде! А ты что думал? Суфле шоколадное? А-а-а! и покачает пальцем.

В моем случае, я пока что обошелся без предложенного говна на блюде. Я всего лишь разглядел в своей подруге пол. Хотя это с какой стороны посмотреть насчет блюда.

Помимо того, что я обнаружил гендерную разницу между собой и Ксюшей, я еще нашел у себя желание почувствовать эту разницу. Но я испугался. Понятия не имею, сколько еще водки мне надо было выпить, чтобы убить страх, который Ксюша собственноручно посадила внутри меня. Я ведь тоже был девственником. А как я понял, парни-девственники – это что-то вроде страны третьего мира. Кому-то жалко их, и им спешат оказать гуманитарную помощь и благотворительность. Кто-то просто издевается и насмехается. А кто-то не понимает, зачем они существуют. В каком амплуа я могу предстать перед Ксюшей? Вызову ли я у нее жалость или она просто посмеется надо мной?

Но смотреть-то на нее мне никто не запрещал: ни она, ни ее надменное отношение к людям, не успевшим отведать кусочек страсти, ни отсутствие достаточного количества водки, чтобы прикоснуться к ней. Но я так и не решился на прикосновения. Я испугался. Дотронуться до нее? Сколько еще я должен выпить, чтобы стать таким смелым?

К тому же, я действительно верил в нашу дружбу. К ней скептически относились все, кто знал о нас. В школе называли жених и невеста. Мы огрызались какое-то время, потом плюнули. Бесплезно отрицать сформировавшееся мнение общества. Если общество решило, что жених и невеста, значит так тому и быть. А решение было принято на основании простого «не может». Школьное общество считало, что дружбы между парнем и девчонкой быть не может. Учителя так считали, а одноклассники просто порой пытались высмеять нашу дружбу.

Немного по-другому относились к нашей с Ксюшей дружбе ее родители. Они никогда не были против, я, по крайней мере, не знал об этом. Ее отец всегда здоровался со мной, пожимая мою руку. Если он встречал меня на улице, тут же предлагал зайти несмотря на то, что Ксюши не было дома. Ее мама всегда шептала что-то вроде «будь аккуратнее». Что она вкладывала в это я не знал. Это изречение слишком обширно: начиная от простого и банального предупреждения не упасть и заканчивая заполнением анкеты участника проекта «Марс». Я никогда не старался поистине понять это предупреждение.

Мой отец видел Ксюшу, но особого значения не предавал, как, в принципе, и всему, что происходило в моей жизни прямо у него под носом. Он скорее всегда единственный человек, который относился к нашей дружбе никак. У него не вставал вопрос веры в мужскую и женскую дружбу, ему просто было наплевать. И я был благодарен ему за то, что плевать ему было на все и всегда, а не выборочно на то, на что ему удобно было плевать.

Дотронуться до Ксюши в момент алкогольного опьянения означало лишь доказать, что мнение общества было правомерно. Это был бы конец. Мы бы не смогли больше дружить. Я бы немедленно прослыл бегущим за ней Тузиком, а она – горделивой дамой на выгуле с собачкой. Это не та репутация, к которой я стремился. Я был готов быть ее другом, осознающим ее половую принадлежность, но не парнем. Да и вообще, я не любил ее. То, что у нее появилась грудь вовсе не означало появление любви с моей стороны.

Впервые я увидел Ксюшу с новой стороны в январе следующего года. С той стороны, с которой раньше никогда не видел ее.

Я в очередной раз находился в одиночестве, отказавшись от перебежек между домами к знакомым. Зимняя погода никогда особо не впечатляла меня. Я всегда больше любил позднюю весну. А вот с зимой у нас сложились нестандартные отношения. Я пока не понимал, как можно любить спящую природу, укрытую зимним саваном. Как можно любить сомнительную тишину зимы, напоминающую кладбищенскую. Мне, как и любому ребенку, до какого-то возраста было наплевать на времена года. Зимой я обожал кататься на фанерах и картонных коробках с обледеневших гор. Падать головой в сугробы, чувствовать, как холодный снег забивается за шиворот и извиваться от внезапного льда на разгоряченной коже. Лепить снеговиков и нерушимые крепости, играя в войнушку. А как же волшебные сосульки? Я просто обожал лизать их. Если я находил огромные сосульки, они немедленно становились моим мечом. Жаль, только что от одного удара они разлетались на осколки.

Но как только я перестал играть во все это, зима перестала меня интересовать. Чем еще может завлечь зима, если ты уже перерос эти игры?

Мои бессмысленные занятия разбил в пух и прах звонок моего мобильного. Ксюша. Я даже успел вздохнуть. Ксюша, наверное, хочет вытащить меня на улицу, половить ртом падающие снежинки. Или! 30 января – день ее рождения. Значит, хочет пригласить. А я так не хотел. Я не хотел никуда идти. Подарка у меня все равно не было, а самодельные открытки я устал лепить. К тому же, они больше никому не были нужны. Раньше, в младших классах, Ксюша радовалась моим открыткам, чмокала их, прижимала к себе. Но потом с каждым годом она показывала все меньше эмоций, но открытки принимала. Я знал, что Ксюша хранила их все до единой.

Я, обездвиженный собственными мыслями, смотрел на мобильник, так и не решаясь взять его и ответить. Звонок умер. Экран погас. Я продолжил наблюдать за аппаратом. Ксюша обязательно перезвонит. Она не понимала и не принимала того факта, что человек не хочет в данный момент общаться. Ксюша всегда хотела общаться. Но, к моему удивлению, повторного звонка не поступило. А вот это уже было странно. Вместо предсказуемого звонка я получил непредсказуемую смс. Сообщение, написанное без единой ошибки, словно экзаменационное школьное сочинение заставило меня перезвонить ей самому.

– Что случилось? – спросил я. В ответ тихие всхлипы, завывания, изредка прерываемые цинковой тишиной. Но ответ так и не последовал. Тогда, слушая неестественные звуки человека, пораженного вселенской скорбью, человека, который ранее всегда говорил только о счастье, радости и веселье, я почувствовал, как у меня в груди пустеет. А затем пустота, набрав оголтелую мощь, навалила на меня и что-то упало вниз. Каждый вздох мне казался невозможным, но я продолжал дышать. Почему-то мне стало страшно.

Я повторил свой вопрос, стараясь, чтобы мой голос звучал как бетон: непреступно. И я услышал ответ.

Дима, с которым они буквально пару недель назад, начали встречаться и в Москве, сообщил Ксюше, что на самом деле не испытывает никаких чувств к ней, что ему просто стало жалко ее и он решил попробовать. А оно не пошло. Совсем.

Я мог представить состояние Ксюши. Последнее время она порхала словно бабочка. Ее лицо цвело яркой весной от переизбытка позитивных эмоций. Она стала улыбаться по-другому. Искры в ее глазах превратились в настоящий костер, который ничто в мире не смогло бы потушить, кроме Димы, конечно же. И он потушил его. А ведь Ксюша почти перестала злоупотреблять спиртным, потому что постоянные гонки по CAO требовали много сил и адекватности. Она ведь постоянно моталась туда. Стоять под окнами и поджидать у подъезда дело нелегкое.

Ксюша уже планировала семью с ним, показательную на весь мир. Образец, к которому все должны стремиться. Все ее мечты рухнули в одночасье. Просто в одну секунду. Теперь она звонила мне, своему другу, чтобы рассказать о других планах. Ксюша собиралась покончить с собой.

Она больше не видела смысла жить дальше, если рядом нет этого парня. Я, конечно, был в шоке от услышанного. Что значит, нет смысла дальше жить? Надо жить дальше! У нее есть родители, которые ее любят. У нее есть папа и мама, что уже само по себе было редкостью. У нее есть нескончаемая куча друзей, которые ее любят и уважают. У нее есть я. Я – самый лучший и близкий друг. С третьего класса мы с ней дружили. Мы сидели за одной партой, и Ксюша рассказывала мне все самое сакраментальное. Надо жить дальше! Никто не знает, что ждет каждого из нас за следующим поворотом жизни. Сколько еще таких Дим у нее будет? Таких же мудаков, но только жизнь может переиграть, и они будут любить ее и страдать, стоя под окнами и умолять, чтобы Ксюша хотя бы просто взглянула на них. Сколько еще всего радостного и счастливого будет в жизни? Да, никто не отрицает, что будут и горести, и страхи, отчаяния и беды. Но мы должны научиться проходить все это с гордо поднятой головой, оставлять частичку сердца с теми, кто ушел. Радоваться за тех, кому хорошо. В жизни столько всего, неужели Ксюша была готова лишиться удивительного разнообразия только из-за того, что некто из CAO отшил ее?

Но все, что я говорил ни разу ни коснулось ее ушей, ее души и сердца. Все летело в мобильную матрицу пустоты. А потом у меня закончились деньги. Связь прервалась. Тишина. Такая же, как и когда я говорил с Ксюшей.

У меня в груди разлилась солнечная плазма, прожигая органы. Конечности свело от внезапного ужаса. Я не мог осознать его природу. Мне просто стало страшно.

Дрожащими руками я застегивал куртку, думая лишь об одном. Не помня себя от паники, я выбежал на улицу, к автобусной остановке. Я должен был перехватить автобус, везущий бомбу замедленного действия. И я перехватил ее.

Никогда раньше я не видел Ксюшу в таком виде. Я много раз видел, как она плачет и это скорее нормально для девочек. Они вообще любят плакать, им порой даже повод не нужен. У Ксюши слезы могли появиться из-за всего: мама купила не вон ту вкусную конфетку; папа купил машинку; двойка по математике; а потом и вовсе отсутствие сигарет. Но то, что я увидел в тот момент не шло ни в какое сравнение. Свою зловещую роль сыграла, конечно же, косме-

тика. Размазанные, словно сажа, неровные овалы под красными глазами. Замерзающие слезы на красных, шелушащихся щеках. Хлюпающий, словно поршневым насос, нос. Ее всю трясло. Пальто на распашку, варежки где-то утеряны, шарф уже скорее походил на удавку, в хаосе свисающий с ее полуголой шеи. Она пыталась что-то сказать, но я не понимал ни одного слова, коряво, неловко сваливающихся с ее потрескавшихся губ. Лишь только звук неизвестного мне обезумевшего дикого зверя.

Я обнял ее, распахнув куртку, положив ее замершие руки вокруг своего тела под свитер, вынудив ее тем самым обнять меня. Черт! До чего же ледяные были ее руки! Я почувствовал, как лютый мороз ее души и тела прикасается ко мне, превращая кожу в застывшее стекло.

Я стянул с себя шапку, натянув ее на раскаленную от продолжительной истерики голову девушки. К счастью, у меня был капюшон. Психологически я был защищен от холода, а физически я ощущал каждый миллиметровый шажок зимы по голове и телу, сквозь почти ситцевую ткань, прикрывавшую голову.

Ксюш вцепилась в меня как краб клешнями в злейшего врага и зарыдала еще сильнее, хотя мне казалось, что сильнее просто нельзя. Она то и дело твердила, что жизнь есть всего лишь результат поспешной дефекации, что она больше не хочет копошиться в навозе, что наложит на себя руки. Я продолжал успокаивать ее, но с каждой минутой все больше понимал, что меня никто не слышит, что я разговариваю с пустотой.

Я медленно двинулся в сторону дома, уже замолчав. Ксюше же говорила и говорила, как бормочущее радио. Я перестал вникать в ее слова, которые страшным потоком мчались мне в голову. Они были одними и теми же, менялся только порядок слов. Я понимал одно, что категорически нельзя оставлять ее одну.

Уже на этаже я крепко схватил ее за плечи и практически заставил смотреть на меня. Я сказал, что ей срочно надо успокоиться. Дома родители, они не должны видеть свою дочь в таком состоянии. Зачем провоцировать кучу совсем не нужных вопросов? При упоминании о родителях, Ксюша перестала шмыгать. Наконец-то, бесконечные слезы перестали мельтешить на ее щеках. Она посмотрела на меня. Молча. Всклипнула. Вдохнула. Спросила, как она выглядит. Я чуть улыбнулся. Хреново, как же еще. Очень хреново. Но я соврал ей. Я аккуратно пытался стереть тушь под ее глазами. Это оказалось нелегко. Черные, устрашающие разводы под трением моего пальца становились только более четкими мазками, словно сделанные покалеченной кистью, окунувшейся в хну. Ксюша подставила свое личико, закрыла глаза и терпеливо ждала, когда я уничтожу улики затяжной истерики с ее лица при помощи пальцев и слюны. Когда все мои десять пальцев стали черными как сажа, у Ксюши не осталось ничего лишнего на лице, как казалось мне. Я ведь не очень разбирался в тонкостях макияжа. Я убрал все, что показалось мне лишним. За то время Ксюша совсем успокоилась, думая, как бы сделать так, чтобы родители не преступили к расспросам. Ксюша умоляла меня зайти в гости. Меня не надо было умолять, я и сам бы напросился, потому что я был не готов оставлять ее одну.

Половину ночи мы обсуждали лишь одну тему, почему парни такие козлы. Я чувствовал себя очень неуютно. Ксюша своими рассуждениями вызывала у меня чувство вины. У меня складывалось ощущение, что это я бросил ее в ее день рождения, что это меня любили больше жизни, а в ответ я поступил как отпетый подонок. Ее бросил один некому неизвестный парень, а Ксюша уже вместо Дима, употребляла местоимение множественного числа второго лица: вы. Почему вы такие уроды? Вы вообще любите кого-нибудь еще кроме себя? Почему вы ведете себя так? И тому подобный шквал вопросов. Самое неприятное для меня то, что за всех нас отвечать должен был именно я. Я, кто еще ни разу не целовался с девчонкой! Я никого не любил, не был никем любим, никого не бросал и меня никто не бросал. Пока что. Но игнорировать вопросы, адресованные ко всей мужской половине, Ксюша мне не позволяла. И я отвечал. Отвечал интуитивно, стараясь, чтобы мои ответы не спровоцировали ненависть ко всему мужского полу на всю оставшуюся жизнь.

Потом Ксюша уснула, обессиленная выдающейся истерикой, прям в одежде. Просто грохнулась на кровать, сказала, что у нее нет сил. Попросила меня не уходить, остаться с ней. Закрыла глаза и засопела. Я сидел на краю кровати, подперев рукой подбородок., рассматривал пол. У меня был стресс. Спать я совсем не хотел и уйти не мог.

Я все анализировал тот вечер, пытался понять, что по-настоящему чувствует Ксюша к этому Диме. Пытался понять, что творилось в голове у Димы. И чем больше я думал, тем больше понимал, что я уже, откровенно говоря, ненавижу этого человека, будучи даже незнакомым с ним лично. Вечно улыбающаяся девчонка теперь курит, пьет и рыдает. Что дальше? Вскроет вины? Наглотается таблеток? Что теперь ожидать из-за незнакомого мне человека? Но даже если бы я знал его, что бы это изменило? Я бы набил ему морду? Вряд ли, за чувства не бьют. Он ведь тоже не мог заставить себя любить Ксюшу. Единственное, что я не понимал, зачем было вообще начинать все то, если изначально ничего не вспыхнуло?

С того дня я превратился в няньку. Ксюша то рыдала, взхлеб рассказывая об очередном потоке своих чувств, то молчала, погруженная в бесконечную волну горя осознания. Я отвлекал ее как мог. Иногда даже получалось. Иногда совсем редко на ее лице проскакивала улыбка.

Так продлилось до лета, потом она сломя голову помчалась на дачу. Планы были наполеоновские. Мне даже было страшно, что она действительно осуществит все, что хотела. Перед отъездом я поговорил с ней по телефону, попросил не делать глупостей. Она обещала мне. Я не поверил. Я не знаю, почему. Ксюша раньше не давала поводов не верить, но в тот вечер я был уверен, что все ее ответы были специально для меня. Для моего уха. Ответы были такие, чтобы у меня не возникало дополнительных вопросов.

Она уехала, я вздохнул с облегчением. Теперь это была не моя ответственность следить за тем, что она ест, что делает одна, считать сколько часов она поспала и не режет ли первый и последний раз по сизым венам. Теперь это была заботы Димы. Я уговаривал себя, что он позаботится о ней. Я пытался верить себе. Но и здесь меня постигло разочарование.

Я познакомился с девушкой в соседнем районе, когда расклеивал листовки. Младше меня на год, но ни по внешности, ни по поведению 13 лет ей нельзя было дать. Хотя насколько я имел право судить ее, если сам еще был глуп и с бездной в голове? Появление Олеси в моей жизни немного отвлекло от мыслей и вопросов о моей подруге.

Мы стали гулять вдвоем. Вначале нечасто. Затем встречи выросли в ежедневные, чему способствовало лето. Олеся была пацанкой. Самой настоящей. Она не знала, что такое юбки, носила мальчишеские прически, у нее был низкий голос, грязные кеды с фальшивой надписью, извращающей дорогой оригинал, рваные на пятой точке джинсы, чуть ли не единственные в гардеробе и футболки с разными надписями, в значение которых, Олеся, очевидно, не вдавалась. Она не брезговала ни матом, ни сворованной папиной явой, да и спиртосодержащие напитки не смущали ее.

Я почувствовал себя девчонкой рядом с ней, но несмотря на довольно неприятное самосознание, я продолжал встречаться с ней. Мне было весело гулять с ней. Я хохотал, что было сил. Олеся, несмотря на тяжелый мальчишеский нрав, была легким человеком.

В середине лета я заметил, что она начала проявлять инициативу по отношению ко мне. И она не скрывала ее. Ей ничего не стоило взять меня за руку. Обнять меня. Прижаться. Каждый раз, когда она выказывала очередное резкое действие в мою сторону, я зажимался. Честно говоря, я не знал, как не реагировать на это. Я и не мог знать. Отец не рассказывал и не указывал мне на нюансы общения с противоположным полом. В школе только на биологии упоминали о взаимоотношениях полов в физическом плане с последующим воспроизведением потомства. Так что помимо того, что я в физическом плане был полноценным девственником, так еще и в моральном. Я основывался на инстинктах, которые, к сожалению, работали странно. Я больше опасался прикосновений Олеси, чем хотел ответить ей взаимностью. Но ее дерзкое поведение спровоцировало меня задать вопрос. Жуткий вопрос, на самом деле. Еще

когда он вертелся у меня на языке, я чувствовал, как у меня горят щеки. Но я должен был знать. Я спросил Олесю, девственница ли она. Каково было мое удивление, когда она ответила, что ей всего 13 и, конечно же, она девственница. Самой собой мне был задан встречный вопрос. Отвечать на подобный вопрос мне было сложнее, чем задавать его. Почему-то я испытывал такое необъяснимое чувство неловкости, будто у меня спросили, сколько будет 2Х2, а я не мог вспомнить. Я мялся, мычал, но, в конце концов, сообщил Олеси горькую правду. Я даже никогда не целовался, чего уж больше говорить.

Мы забыли об этой теме так же внезапно, как и заговорили о ней. Словно вообще не говорили ни о чем подобном. И вот мы снова гуляли. Иногда она помогала мне раздавать листовки, потому что ей было скучно дома. А мне было хорошо и не так одиноко стоять у метро, когда тебя все толкают, ненавидят и не хотят брать рекламу.

Лето незаметно подходило к концу. Ксюша мне не писала и не звонила. Вначале я почувствовал что-то неприятное на душе. То чувство, когда о тебе забывают просто так. Был человек, был, а потом исчез. Пропал. Потом я переосмыслил свое поведение. Я надеялся, что Ксюша наладила общение с Димой и ей не до меня. Простительно ли это? Так ли должны поступать? Не знаю, но, если с Димой все-таки наладилось, я скорее был бы рад, чем начал предъявлять что-то.

Сам я не хотел беспокоить ее. Мы ведь весь год сидели за одной партой, сидели друг у друга в гостях, ходили иногда гулять вместе. Должен же быть какой-то отдых друг от друга?

Я продолжал гулять с Олесей, все больше и больше узнавая ее. И с каждым разом, я понимал, что не такая уж она дикая и ужасная, и безумная. Хотя порой она выбивала меня из колеи своими предложениями.

Она предлагала полазить по гаражам. Я согласился. Мне было интересно. Тем более я сам так много раз лазил по гаражам. Потом она предложила побегать по утрам, чтобы поддерживать физическую форму. Такая идея меня не очень зацепила. Что ж поделать, я никогда не отличался особым желанием и любовью к спорту. Тем более к утреннему. Тем более, когда вставать надо еще раньше, чем положено. Но я все равно согласился. Это же эксперимент. Мне надо было попробовать, прежде чем заявить, что это не то. И мне понравилось! Мы бегали ранним утром. Я смеялся. Олеся была такой веселой девушкой. Она постоянно что-то говорила смешное и бежать мне становилось тяжелее. Смех забирал гораздо больше сил, чем бег. А вместе – так совсем сложно. Я задыхался, но продолжал смеяться и бежать.

Потом Олеся изъявила желание съездить на Воробьевы Горы с красками и ватманами, нарисовать пейзаж. Я умолял ее объяснить, зачем нам это надо. Она улыбалась. Я согласился. Мы долго смеялись над нашими пейзажами парка и Москва-реки. Мне казалось, что я в первом классе рисовал лучше. Олеся просто разделила лист на пополам, закрасила верхнюю часть зеленым, а низ – голубым. Оказывается, она думала, что рисовать так просто. Ведь другие люди-то рисуют.

А потом она предложила поцеловаться. Я согласился. Конечно, здесь тоже не обошлось без нелепостей. Ведь мы оба думали, что целоваться – это просто, ведь люди-то целуются и вряд ли они заканчивали особые курсы. Мы соприкоснулись губами, и тут у меня возникло двойное чувство. С одной стороны, волна некой брезгливости, очерствленная стыдом, сомкнула мои губы словно замком. Мышцы окаменели, руки хотели оттолкнуть вызвавший неприятные ощущения чувства, объект. А с другой стороны, что-то боязливо приятное закрутилось внизу живота. Это чувство я знал. Возбуждение. И оно напугало меня еще больше. Мы разбежались по разные стороны, как столкнувшиеся магниты. И снова смех.

Потом пришел сентябрь, вернув некую опустошенность с собой. Я остался доучиваться 10 и 11 класс в школе. Ксюша ушла. Она поступила в колледж экономики. И 1-го сентября, стоя на линейке, я вдруг понял, что мы больше не будем сидеть за одной партой. Я вздрогнул. Как же так? Как время прошло так быстро? Почему я не заметил его? Почему я ждал 1 сентября,

чтобы вновь болтать за партой и слушать, а оказывается мне больше не с кем это делать? Я впал в полнейшую прострацию. Огорчился. И со скорбью двинулся в здание школы.

Расстраивало меня и то, что на календаре 1 сентября, а Ксюша мне так и не позвонила. Ни разу. Больше я не мог уговаривать себя и едва прозвенел звонок на перемену, я тут же набрал Ксюше. Она сняла трубку. Голос радостный, улыбочивый. Я спросил ее, какого черта от нее ни слуха, ни духа и ее голос тут же потух. Она зашебетала что-то про свою забывчивость, ведь я так много должен был знать о ней, мы ведь дружили с детства. И я знал о ее забывчивости, действительно, как никто другой. Я знал, что Ксюша могла забыть только то, на что ей наплевать или на математику, которую она не понимала – тут проще забыть. С кем я должен был ассоциировать себя? С ненужным человеком или с математикой? Я глубоко вздохнул, выдержал свойственную мне паузу. Улыбнулся. Я все-таки был рад услышать ее беззаботный голос с нотками стыдливого сожаления. И вот она запела. Жизнь тут же рванула хаотичным потоком из телефонной трубки. Я слушал и улыбался. Ксюша сказала, что зайдет вечером, поле пар и положила трубку.

Увешенный солидными запросами школьных учителей, я ввалился в квартиру, не зная за что хвататься. Куча учебников, выданная в школьной библиотеке, съедала меня целиком одним лишь своим внешним видом. Я не хотел притрагиваться к ней. Совсем. Наверное, впервые за долгое время я не чувствовал желания скорее открывать оглавление учебника по физике за 10 класс, чтобы узнать, какие темы мы будем проходить в этом году. Я не хотел листать исписанные ручками и карандашами страницы алгебры и геометрии. Я просто с тоской смотрел на стопку книг и даже думать не хотел, что совсем скоро их надо будет открыть и выучить то, что я еще не знал.

Я раскладывал учебники на полке и еще с большей тоской смотрел на учебники по русскому языку и литературе. Я чувствовал, как внутри поднималось огненное цунами ненависти к буквам. Я ненавидел их. Более-менее терпимо я относился к ним, пляшущим в элегантных уравнениях в основах матанализа и с большим уважением – к буквам в геометрических и физических формулах. Но русский с литературой! Мне казалось, что этот филологический ад никогда не кончится.

Я убрал ненавистные учебники подальше на полку, очень надеясь на то, что еще совсем не скоро достану их назад. От депрессивных мыслей о будущей учебе меня отвлек звонок в дверь. На пороге стояла Ксюша. Я чуть за сердце не схватился. Ее волосы! Ее красивые, светлорусые волосы выкрашены в черный цвет! Насыщенный, иссиня-черный! Я отшатнулся, увидев ее и, честно говоря, немного испугавшись неожиданности. Она рассмеялась, зашла в квартиру и сняла кроссовки. Я же совсем онемел. Я не мог найти подходящего слова, чтобы не обидеть Ксюшу. Зачем? Только один вопрос: зачем она это сделала? Хотя, нет, в принципе, мне было понятно зачем, но непонятно почему именно черный. Почему такой тяжелый, громоздкий, старческий цвет? Я спросил ее. Ксюша улыбнулась. Оказывается, она прониклась рок культурой, а там отрицают что-либо светлое. Культура рок-музыки? Я был обескуражен. Мне было не совсем понятно, как культура, в принципе, какой-либо музыки, может влиять на внешний вид человека? Я согласен с тем, что музыка, безусловно, может влиять на настроение, на внутренний мир человека, на его восприятие. Но на внешний вид! Я снова спросил: зачем? Разве рок-музыка так выглядит? Ксюша обняла меня и рассмеялась, сказала, что я – глупый. Та музыка, которую она слушала, была обреченной. В ее нотах постоянный минор, в который вплеталась меланхолия и безысходность, а лирика плакала болью и сожалением. О чем еще можно тут говорить, как только не о черном цвете? Я пожал плечами. Депрессивная музыка? Понятно. Я был не в праве навязывать свое мнение отчужденности. Я был нейтрален к любой музыке, больше, конечно, нравился русский рок. Не любил блюз и джаз. Пожалуй, эти направления, завитки музыки, повергали меня в шок. Я бы сказал в неприятный шок. Я воспринимал эти

стили как музыкальный нотный хаос. Видимо нужно быть утонченным поедателем нот, чтобы съесть и не подавиться чем-то из блюза или джаза.

Ксюша прошла ко мне в комнату, спросила дома ли отец. Конечно, его не было и, откровенно говоря, я понятия не имел, где он был: на работе или внимал недавно рухнувшему СССР за партийкой в домино во дворе, попивая разбавленный спирт из железной кружки. Услышав, что отца дома нет, Ксюша улыбнулась как голливудская звезда, достала из рюкзака напиток насыщенного янтарного цвета в стеклянной таре. Это был виски. На мой вопрос, где она взяла его, ведь это дорогой напиток для неработающего студента, ответом стала коварная улыбка, злая, я бы даже сказал. Купила. Ксюша просто купила его. Я вздохнул. Уселся на кровать, пока Ксюша пошла за стопками, которых в моем доме было больше, чем в любой пивнушке. Я смотрел на бутылку. Я никогда не пробовал виски. И я не считал это упущением. Мне, конечно, было интересно, что это за напиток, но, откровенно говоря, желания пить в тот момент не было.

В комнату влетела Ксюша и перед моим носом появилось две водочных стопки. Неприятно хрустнула крышка и джин был свободен. Я понюхал содержимое и мое лицо непроизвольно скривилось в мятую половую тряпку. Ксюша поинтересовалась, неужели все настолько мерзко. Нет, не мерзко, отталкивающе и шокирующе. Я улыбнулся. Я сказал, что привыкну.

Мы выпили, покурили каких-то вонючих сигарет. Снова выпили. Ну что я мог сказать о виски, впервые попробовав их? Вырви горло, вот что! После первой стопки мое лицо превратилось в скукоженное месиво. Все горло было покрыто огнем без огня. Глаза так крепко зажмурились, что вовсе с лица пропали. Это было ужасно. Но едва реакция организма окончила свое выступление, я, наконец, смог почувствовать вкус напитка. Приятное, терпкое послевкусие. Ксюша смеялась, глядя на чужие лица, завладевшие моим. Как давно я не слышал ее смеха! Я был рад, что она, наконец, перестала плакать и мечтать о суициде. Спрашивать, наладились ли отношения с ее возлюбленным, я боялся, вдруг скovyрну свежую корку на глубокой ране. Но Ксюша – это Ксюша, она все рассказывала мне, и если что-то поначалу оставалось скрытым, то надо было всего лишь подождать, и Ксюша сама все расскажет. Так и случилось после очередной стопки.

Она приехала на дачу, ее любимого еще не было, потому что он сдавал сессию. Зато был его друг – Костя. С ним-то Ксюша и гуляла, изливая не замолкающую душу. Он оказался очень сердобольным другом, поддерживал ее как мог. Вначале морально, идя с ней рядом, говоря, что все образуется, наладится, жизнь – она ведь такая: вначале рыдаешь, и тут же смеешься, как проклятый. Потом он держал ее за руку, продолжая внушать недальновидное прекрасное будущее с Димой, осталось только дожждаться, когда он покончит с сессией и появится в героической символике на даче. Ксюша улыбалась. Потом он играл ей на гитаре трогательные песни Сектор Газа, намекая на то, что придет к ней в любую погоду, чтобы просто помочь. А потом он поцеловал ее. Как бы случайно. И поняв, что ее реакция позволяет ему прикоснуться к ее губам больше, чем на секундную случайность, он поцеловал ее так, как я видел только в кино. Мой слюнообмен с Олесей не шел ни в какое сравнение, в принципе, с обычным поцелуем, не то, что бы с описанным поцелуем Ксюши.

Я хотел вскрикнуть возмущенное зачем! Зачем Ксюша это сделала? Хотя ладно Ксюша, ей простительно, она в печали и, очевидно, плохо осознавала реальность. Но он-то! Костя или как его там! Парень старше ее, лучше соображающий, почему позволил себе такие случайности, переросшие в намеренность? Я был возмущен, но тогда я не понимал так глубоко отношения между полами. Что я знал о парнях, кроме того, что у нас периодически случается внеплановая эрекция, особенно по утрам? А что я знал о девчонках? Ничего. Только как они устроены анатомически.

Еще одна стопка и рассказ продолжился. Как-то вечером они гуляли. Уже держались за руки. Они просто друзья. Он – хороший друг. Он поддерживает. Не ты, Рома, а он! Я не имел право что-то говорить.

Ночь. Дачная ночь мало чем отличается от деревенской. Небо усыпано звездами. Их так много. Темная ткань над головой мерцает серебряными, желтыми и белыми точками. Какие-то едва заметны. Какие-то толстые, висят жирными каплями над головой. Ночь теплая. Шуршит. Двигается. В лесочке рядом кипит жизнь. Его рука сильно сжимает ее пальцы. Именно сейчас Ксюше нужна поддержка. А звезды ярче. Теперь черное небо, усеянное небесными чуждыми светилами, полностью исчезло. Темнота перед глазами. Костя целует ее. Глаза закрыты. Как же здорово он целуется. Меня что-то кольнуло внутри. Здорово целуется! Как я рад был слушать это все. Еще одна стопка по моей инициативе. Вот он снимает с себя кофту и кладет ее на траву-мураву. Сверху на ткань опускается доверчивое тело Ксюши. Интересно, она все еще думает, что ее поддерживают в сложных отношениях с Димой? Он стянул с нее штаны с трусами, свои даже не попытался. Только расстегнул пуговицу и молнию. Этого достаточно, чтобы оказать самую качественную поддержку. Я попросил ее замолчать. Ксюша обиженно уставилась на меня. Ей, видите ли, не с кем было поделиться эмоциями и переживаниями. Все свои страшные истории Ксюша рассказывала только мне. Только я удостоился чести быть ее настоящим другом... Подружкой, скорее. Хорошо, сказал я и поинтересовался, чем закончилась ночная оргия. Хотя бы здесь она не удивила меня. Он сделал то, ради чего его кофта вымокла в ночной росе. Он проводил Ксюшу домой, а потом стал постепенно исчезать из ее жизни, как индикатор с лакмусовой бумажки. Он стал чаще копать огород, строить дом. Конечно, он находил иногда время, чтобы поваляться на земле с Ксюшей, но не больше.

Потом приехала вся остальная компания, сдавшая сессию в колледжах и университетах, включая глубоко любимого Диму. Ксюша честно созналась, что, увидев его, она не испытала былой радости. Скорее там была злость и обида.

Она демонстративно брала за руку Костю, строила глазки, смеялась. Ни компания, ни я не могли понять, как же так получилось, что Дима вылетел из сердца Ксюши, когда буквально в прошлом году она с травы слизывала его следы, следуя за ним по пятам. Ксюша сказала, что переболело. Она больше не хочет, любить его. Ей было слишком больно и ей это не нравилось. А тут добрый Костя, и сыграет на гитаре, и поддержит, и сексом займется. Его не надо умолять, чтобы он бросил хотя бы один быстрый взгляд. Не надо мечтать о том, чтобы он случайно коснулся ее руки, он сам брал ее за руку. И он потрясаяще целуется. Я спросил Ксюшу, где сейчас Костя. Она сказала, что не знает и ей как-то все равно. На вопрос – где сейчас Дима – она тоже ответила, что не знает. В чем же разница, Ксюша? Мы смотрели друг на друга. Улыбка умирала на ее лице. Это явно не то, что она хотела услышать. Ты не понимаешь – вот, что она ответила. Я просто ничего не понимал. Я девственник, который не умеет целоваться, как я могу что-то понимать?

Еще одна стопка и Ксюша стоит около меня. Улыбается. Обхватывает мою руку и крепко прижимается, как к игрушке. Да я сам улыбнулся. Мы завалились в кровать, она легла мне на грудь и продолжила свои рассказы.

Все лето она провела с Костей, не обделяя Диму косыми взглядами, всячески показывая ему то, что он потерял, не успев приобрести. Они собирались по вечерам и пили, пели и курили. По ночам она гуляли или сидели у того самого пруда, который с каждым годом все больше превращался в лужу: камыш вытеснял из него воду.

Я слушал Ксюшу, ее радостные эмоции по поводу Кости и как он хорошо в постели... На земле точнее. Ей было плевать, что, вернувшись в Москву, они сделались незнакомыми людьми. Разве в этом смысл? Ей было хорошо летом, а этого уже достаточно, чтобы творить то, что хочется.

Я рассказал ей про Олесю. Едва я успел сказать, что познакомился с девушкой, как ее зовут и, что мы гуляем вместе, ее пальцы перестали бегать по моей груди. Я мгновенно ощутил в воздухе какое-то напряжение. Ксюша спросила, как я отношусь к Олесе. Насколько я был серьезен. Я улыбнулся. Мне 14 и ей 13, как вообще можно было употреблять слово серьезно в

отношении нас. У меня вся жизнь впереди, чтобы узнать детали страшного слова серьезность и какие, не менее ужасные последствия, оно несет в себе. Серьезно я относился только к точным наукам и чтению научной литературы. Это действительно серьезно.

Ксюша вроде оттаяла и вновь начала гладить меня, тихонько шепча, что мне не мешало бы добавить серьезности и к девушкам. Конечно, может они не такие увлекательные, как аксиома выбора, но все же это жизнь. Не совершаю ли я ошибку тем, что не хочу относиться к жизни серьезно? Ну что хотели от меня? Чтобы я влюбился, плюнул на учебу, рыдал в темном углу, мечтая вскрыть вены? Если это называется серьезно, то я отказываюсь вообще когда-либо употреблять это слово по отношению к себе и своей жизни. Но Ксюша внезапно перевела тему. Она спросила, целовался ли я с Олесей. Я покраснел. Я почувствовал, как что-то внутри меня, словно из шприца заполняет мое лицо красной, разбавленной водой краской. Я улыбнулся и встал. Целовался ли я с Олесей? Я даже не знаю, имел ли я прав называть тот слюнообмен поцелуем? Я сознался Ксюше. Сознался во всех своих чувствах и эмоциях, которые я испытывал на момент прикосновения наших губ. Ксюша смеялась. Извинялась. Потом снова смеялась. Я молчал и смотрел на ее реакцию. Конечно, я был рад, что доставил ей удовольствие рассказом о моей личной жизни, но сам улыбаться я не смог.

Насмеявшись и вдоволь наизвинявшись, Ксюша успокоилась, вздохнула. Она предложила научить меня целоваться. Что? Я едва успел набрать воздуха в легкие, прежде чем перестал дышать. Что еще раз? Целоваться! Она научит меня целоваться! Я молчал. Каких только мыслей не проскочило у меня в голове. Я бы не сказал, что все они были одинаково позитивными. Ксюша ждала ответа. Ее глаза горели, и я не мог понять источник пожара: алкоголь или может, желание?

Давай. Это все, что я ответил, будучи не уверенным в своем ответе. Ксюша улыбнулась и медленно, как дикая кошка на охоте, двинулась ко мне. Я забыл, что такое дышать. Смотрел только в ее глаза. Азартные глаза. Ксюша улыбнулась. Попросила меня расслабиться, ведь поцелуй не имеет ничего общего с инъекцией в вену. Здесь я мог бы поспорить. Когда тебе делают инъекцию в вену, ты хотя бы знаешь, что ожидать. А тут... я только догадывался. Ксюша погладила меня, улыбнулся, сказала, что все сделает сама. Моя задача невелика – делать то, что будет делать сам организм. Инстинкты человека не совсем испарились за нашу короткую эволюцию. За все это время, я бы сказал, что они, в принципе, никуда не делись. Но наша эволюция привела нас к тому, что мы научились врать, чтобы скрывать инстинкты. И некоторым это удастся, причем виртуозно. Но тогда я поверил Ксюше: в постели мужчины не могут врать. Они либо хотят, либо нет. Среднего не дано. Ксюша приближалась ко мне так медленно, словно в замедленной съемке. Я ждал.

Вот ее теплые ладони опустились на мои щеки. Дальше теплые губы прижались к моим. Запах виски и сигарет тут же черной вуалью закрыл наши лица. Просто прикосновение. Нежное, ненавязчивое. Затем чуть сильнее. Я почувствовал, как в мой рот проникает ее язык. На секунду я смутился. Инстинкты подсказали мне, что Ксюшу надо оттолкнуть. Я не знаю, почему. Но я обманул их. Я запретил рукам толкаться. Ее напор становился сильнее. Ее язык шевелился в моем рту так, словно это был его рот. А потом Ксюша остановилась и прервала поцелуй. Ксюша посмотрела на меня и вздохнула. Почему-то я чувствовал себя нашкодившим котенком. Я ждал, что сейчас скажет Ксюша, а она обязательно что-нибудь скажет. Я знал ее не первый день и выражение ее лица сообщило мне, что вот-вот занавес поднимется. Неужели у меня нет никакого желания откликнуться на поцелуй? Вот, что спросила Ксюша. Я задумался. Нет, не потому что хотел соврать, а потому, что не знал, какая правда лучше. В самом начале поцелуя я почувствовал некую неприязнь, мне захотелось прекратить эти странные действия. Но потом мои руки, в ту самую секунду, когда Ксюша прервала поцелуй, захотели крепко обнять ее. Но я не успел или вновь испугался, что сделаю что-то не так.

А Ксюша продолжала говорить, что девчонкам не нравится безынициативные камни. Она словно чувствовала меня, сказала, что если мне хочется что-то делать, то я должен позволить себе это делать, а она потом скажет, применимы ли мои действия. Попробуем еще раз? Я улыбнулся и кивнул в ответ.

Старт был такой же, но чуть быстрее. Я уже знал, что это за инъекция и как ее будут колоть. И вот мы снова в поцелуе. Ксюша напирала. Ее язык уже не вызывает во мне былого отвращения. И тут мои руки вместо привычного желания оттолкнуть, начинают обнимать. Гладят ее спину, опускаются ниже и останавливаются: Ксюша больше не целует меня. Она смотрит и улыбается. Я же снова чувствую, как горят мои щеки. Вот так-то лучше! Интересно, это комплимент или жалкая маскировка – ты не так жалок, как я думала. Ксюша сообщила, что нам надо закрепить полученный результат и снова опустилась на мои губы. И третьей раз не вызвал у меня никакого отвращения. Я уже смело сжал ее в объятиях. Перевернулся, опустившись на нее сверху. Я почувствовал каменную эрекцию и едва преодолимое желание раздеть ее. Просто дотронуться до ее обнаженного тела.

Я чувствовал себя таким взрослым! Я гордился собой, как не знаю кто. С одной стороны меня распирало желание попросить Ксюшу научить меня заниматься сексом. А с другой стороны, я уже гордился тем, что понял систему поцелуев. Я понял, что должны делать мои губы, чем занят язык и где могут быть руки. Ксюша смеялась, нахваливала меня и мои скорые достижения. Я сам был рад. Я даже забыл о ее страшных черных волосах. Теперь мне было не так страшно ответить Олесе поцелуем, а не нервным параличом.

Сентябрь помчался, постепенно набирая скорость. Я набирал скорость в учебе. Гулял с Олесей, не переставая целоваться так, что она уже, как мне кажется, боялась. Хотя она никогда не отказывалась. Может, пару раз спросила, что со мной случилось. Она всегда отвечала мне своей детской наивной взаимностью. Мы целовались на лавочках в парке. Около толстых стволов старых деревьев. В подъездах на последних этажах и пугались, когда открывались скрипучие двери лифтов, или раздавались резкие звуки открывающихся квартир.

Олеся продолжала генерить одну идею за другой, которые не всегда казались мне адекватными даже тогда. Но мне было весело. Я легко ввязывался в одну авантюру за другой, потом уже дома обдумывал адекватность нашего поведения. Но как только Олеся предлагала повеселиться, я соглашался, не спросив, как именно.

Мы зашли в первый подъезд, поднялись на последний этаж и спустились пешком. Но мы не просто спустились вниз. Мы забрали входные коврики со всех квартир и оставили их на первом этаже у лифтов. Я не знаю, зачем. Олеся просто смеялась, да и мне не было грустно.

Потом мы решили усложнить веселье. Мы бежали с последнего этажа и звонили в каждую квартиру, чуть ли не падая, спотыкаясь о свои ноги, о ноги друг друга, на следующий этаж, чтобы успеть позвонить в другие квартиры до того, как из предыдущих кто-то выйдет. Мы смеялись, задыхались от смеха, хватались за руки.

Олеся иногда просила меня попить пива в парке. Становилось прохладнее и мы с ней, обнимаясь, потрясываясь, глушили дешевое, холодное пиво. Вокруг постоянно двигались женщины с колясками и каждый раз окидывали нас презренным взглядом и неважно на какой круг они заходили.

Олеся ругалась матом, я слушал. Она смеялась, я слушал. Я вспоминал страшные формулы математики, абстрагируясь от звонкого голоса Олеси. Иногда она замечала протрацию на моем лице несмотря на то, что там была еще обязательная улыбка. Она спрашивала, о чем я думаю, с надеждой в голосе и глазах, но я не понимал, что это за надежда. Вначале я взалхлеб рассказывал о том, какие цифры прекрасные, что математический язык – это язык вселенной. Потом я понял, что ее надежды никак не ассоциировались с математикой. Я перестал рассказывать ей о формулах. В этом плане Олеся была очень похожа на Ксюшу. Ее не интересовали

точные науки и красота. Но несмотря на мелочи в ее характере, которые вызывали во мне озадаченность и вопросы, мы продолжали частенько проводить вместе время.

Ксюша пропадала. Нас больше не связывала школа и я не мог видеть и слышать ее так же, как когда-то, когда мы сидели за одной партой.

Я звонил ей. Она практически всегда была на какой-то тусовке в клубе. На заднем фоне либо шумели пьяные голоса молодежи вперемешку с рок-музыкой или истошно долбила та же музыка, но из мощных клубных колонок.

Я заметил некую закономерность: когда звонил я сам, Ксюша всегда была счастлива. Она веселилась, общалась с друзьями. Но в те моменты, когда она звонила сама, я слушал слезы, подавленное состояние, нежелание жить и еще кучу негативных эмоций. Поводом для слез могло стать все что угодно, все, что я бы даже не заметил: закончился лак для волос, сигареты, проспала тусовку и все местечковые беды для меня. Я по большей части слушал, ждал вопрос «что ты молчишь?» и тут старался объяснить, что то, из-за чего она страдает не является закатом вселенной. На меня обрушивался поток слов, и мне приходилось говорить, что я понимаю ее. А раз я понимал ее, я неоднократно ходил в магазин и приносил ей то, что в жизни не хватало. Мне не хотелось, чтобы она плакала и трепала нервы из-за пустяков. Мне не сложно было сходить за сигаретами, лаками, прокладками и остальным барахлом. Мне было приятно, когда она обнимала меня в дверях и говорила, что я спас ее очередной вечер, как когда-то в детстве, я спасал ее из темницы.

Я выходил на летние каникулы. Впереди меня ждал 11 класс и вступительные экзамены в университет, на физфак, на кафедру астрофизики. Да, к этому моменту я уже точно определился, что хочу посвятить себя математике и ее анализу, и физике. В школе я был самым лучшим по этим предметам. Порой мне казалось, что даже лучше учителей. Я давно мог бы перестать готовиться к математике потому, что я мог решить все задания сходу. И иногда я так и делал, когда загуливался с Олесей. Но при любой удобной возможности я хватался за ручку и считал, и решал.

Ксюша умчалась на дачу, ничего мне не сказав. Я почти привык к этому. Привык к тому, что она уходит из моей жизни, что у нее другие интересы, другая компания и увлечения. Я не знал, почему я перестал устраивать ее, но реальность была такова. Конечно, я звонил ей. Она всегда была рада слышать меня. Часто она не брала трубки. А иногда плакала и говорила, что ей так плохо, потому что некому помочь с той или иной псевдо-бедой. Я успокаивал ее, предлагал пути решения проблемы. Ксюша все отменяла. Мне кажется из-за некой вредности. Такое бывает, когда пытаешься помочь человеку, а он тебе в ответ говорит, что все неактуально, все плохо. Утомившись решением нерешаемых бед, ты говоришь ему, чтобы он шел к черту. После этого решение сразу же находится. Практически сразу. Я сделал вывод, чем больше пытаешься помочь, чем больше человек понимает, что о нем беспокоятся, тем больше понимаешь, что тебя будут использовать, морально уничтожая. Но это же Ксюша! Мой самый близкий друг.

Олеся проводила со мной времени гораздо больше, чем раньше. И погулять, и поцеловаться, и похулиганить – завсегда пожалуйста. Так думал я, пока в один летний денек мы в очередной раз не остались у меня, нежась поцелуями в постели. С поцелуями у меня уже не было глобальных проблем. Я понял, для чего это надо. Мне понравились ощущения, которые я испытывал в моменты соприкосновений наших губ.

Понимая, что еще чуть-чуть и я не смогу остановиться, я прекращал поцелуи и старался мысленно абстрагироваться от того, что происходит с моим организмом. Так же, как и в тот денечек. Понимая, что поцелуй заходит за призрачные рамки, я остановился под предлогом перекура.

Я курил, с улыбкой рассматривал лицо Олеси и понимал, что оно ничего не вызывает во мне, кроме теплых чувств. Олеся положила ноги на табуретку и насупившись сморила на меня. Я не понимал ее взгляда. А потом она начала говорить. Я был поставлен перед выбором:

либо у нас прямо сейчас произойдет секс, либо мы больше не общаемся. Почему? Почему это так странно звучало для меня? Я не хотел, чтобы мне ставили ультиматумы. А я уже успел заметить, что люди любят кидаться ультиматумами, как навозными шариками. Как неприятно, когда тебя ставят перед выбором. Неважно какой выбор: умри или живи, или переспы со мной или уйди. Почему я должен делать именно так? Почему никто не спрашивает, если ли у меня альтернативы?

Услышав брошенный ультиматум, я опешил. Я уже не хотел вникать в его смысл, в значение сказанных слов. Мне ведь никто не дал объясниться. Никто не спросил, почему я прервал поцелуй и отстранился. А ведь все на самом деле так просто: я был девственником. Олеся – девственница. Я не знал, что с собой делать, не то, что с ней. Ей было легко сказать переспы со мной, либо расходимся, но она не предложила взять инициативу на себя. Она переложила на меня ответственность и словно смеялась мне в лицо.

Я озадачился. Опешил. Растерялся. Вот так, живешь, радуешься, даже не догадываешься о том, что человек вынашивает ультиматум. Неприятно. И в моем случае совсем не сексуально. Я, конечно, поинтересовался, почему я столкнулся именно с таким поведением. Зачем ей это надо? Почему прямо сейчас? Я всегда был уверен, что первый раз для девушки – это некое таинство, которое должно состояться с любимым человеком. Ты меня любишь? Она смотрела на меня как на дождевого червя, погибающего в луже на асфальте. Конечно, нет. Она не любила меня. Мне не нужны были ее слова, я и так знал ответ. Но я хотел убедиться, знает ли она ответ. Я хотел убедиться, понимает ли она, о чем просит.

Но Олеся относилась к тем людям, которые живут исключительно по приказу своих желаний. Я хочу и мне плевать на все. Абсолютно! Я хочу прямо сейчас и прямо здесь. Плевать на других, мне это нужно. Именно такие люди берут в кредиты, например, дорогие иномарки, потому что «хочу прямо сейчас», а потом им не на что даже бензин залить. Их желания доходят до абсурда. И в тот момент желание Олеси звучало абсурдом в моих ушах.

Я успокаивал себя. Нет, я не импотент и девушки вызывали во мне желание. Это нормально для подростка. Это нормально для мужчины. Я мог сделать то, о чем она просила. Я знал анатомию, в конце концов, я видел порно. Пару неловкостей, пару нелепостей и совершилось бы то, на что меня агитировали. Но я – математик, я почитатель точности и не только в науке, но, уж так сложилось, что и в жизни. Я никогда не поставлю лямбду в формулу, если она там не нужна. А Олеся заставляла меня поставить ее в простенькое уравнение. Каждый символ что-то символизирует. Каждый мой вздох и взгляд что-то характеризует. Я никогда ничего не делал просто так, даже по мелочи. А тут такое!

Я отказался. Извинился. Сказал, что хотел бы дальше дружить, общаться. Оставить все как было до этого нелепого разговора. Я не хотел обижаться на нее, но Олеся была иного мнения. Ей надоело ходить девственницей. Все ее подружки обсуждают, как проходят ночи в порыве страсти, подшучивают над ней. Олеся это цепляет. Она не хотела быть хуже других. А я не хотел помогать ей идти ноздря в ноздю с окружающими, тем более таким способом. Я не думал, что для нее будет проблема воплотить желаемое в жизнь. Вокруг была целая толпа желающих переспать с девчонкой, лишив себя девственности, да и ее заодно.

Олеся понесло. Она возмущалась, кричала и бесконечно долго спрашивала неподобную чушь, на которую я был вынужден отвечать. Я был уверен, что после моего отказа, она уйдут. Но нет. Желание переспать плавно перекатилось в желание обсудить, почему так произошло. Хорошо. К такому, конечно, я был не готов. Опыт общения с Ксюшей не давал мне никаких подсказок и намеков. Я уродина? Поэтому ты не хочешь спать со мной? Интересный вопрос, неправда ли? Мне очень понравился. Вот так оказывается, воспринимается сексуальная жизнь – урод или не урод. Я всегда был уверен, что для секса нужно что-то большее, чем просто качественная внешняя оболочка. Человек не должен быть уродом морально. Так я представлял себе красивого человека. Я ничего не мог сказать об Олесе. Ее моральная составляющая была

качественно сокрыта, и я основывался только на своем восприятии ее внешности, которая не возбуждала во мне желание.

Хотя я не исключаю того, что я просто испугался столько неприкрытого предложения со стороны девушки. Слова Ксюши, что девственники смешны, громогласно вторили ей каждую минуту в моей голове.

Олеся не пыталась слушать меня. Она утверждала, что она – уродина и только в этом проблема. Я замолчал и просто молча изучал ее враждебную маску на лице. Уродина? Нет. Природа не создает уродства. Никогда. Люди. Вот, кто делает из себя уродов, чтобы потом взывать к жалости окружающих, пользоваться ею, захлебываться ею. Жалость такая плодоносная, такая кормилица! Неудивительно, что люди, крича не надо меня жалеть, своими действиями просто отчаянно требуют жалости к себе. Но я не чувствовал жалости к Олеся. С чего бы? Молодая девчонка, подросток, она еще даже не сформировалась до конца. У нее одна голова, две руки и две ноги. С чего бы мне ее жалеть?

Олеся ушла. Я остался один. Не то, что бы это состояние пугало меня, я скорее привык к своему одиночеству. Раньше у меня была Ксюша, но она отдалялась семимильными шагами, а я только воздух успевал трясти руками, пытаюсь ухватить шелковый, скользящий подол юбки дружбы.

Прошел год. Я был первокурсником университета, обучаясь на физфаке, и я был чертовски счастлив. Уже долгое время я мечтал забыть школу и все, что с ней связано, особенно предметы, превратившиеся в монотонную скуку из-за не менее скучных учителей. Они уже так устали годами сидеть за одним столом и смотреть на одни и те же парты и на лишь меняющиеся лица учеников. Надоели им и то, что они говорили из года год одно и то же и никто, практически никто, их не слышал, хотя все слушали. Я был больше рад не видеться с одноклассниками. Без того ужасные люди, некоторых из них я и так буду вынужден помнить всю жизнь. Я больше не буду видеть стены этого заведения: частично измазанные грязью, частично залепленные еще советской мозаикой. А что говорить о питании? Ничего этого теперь не будет. Едва я пришел 1 сентября в своей ВУЗ как понял, насколько стал свободным и в то же время, я почувствовал страх. Моя жизнь принадлежит мне. Моя будущая жизнь. Один мой неверный шаг мог запросто подпортить ее, может даже и крест поставить. С того дня я понял, как важно отдавать отчет самому себе о том, что я делал и зачем. К сожалению, не имея диплома о высшем образовании, у меня не будет шанса доказать работодателю, что я чего-то стою. Твои знания подтверждает не их присутствие и практика, а несчастная картонная корочка с длинным полотном оценок. Я должен был доказать не только себе, но и окружающим, что я не просто сын алкоголика и брошенка матерью, готовящийся пойти по стопам отца. Я хоть чуть-чуть начал понимать жизнь. Это борьба. Борьба за все: за место в университете, за место на работе, за свою девушку, за себя самого. Ты постоянно борешься, выживая в социуме. Все, что тебя окружает, все, что появляется в твоей жизни, тут же вынуждает тебя бороться до конца, до последнего вздоха, пока ты борешься со смертью. Я знал свои способности к математике, химии и физике. В школе я утвердился в глазах учителей настолько, что пару раз я заменял на уроке учителя математики. Меня давно перестали спрашивать о выполненном домашнем задании: я мог посчитать любое уравнение из школьного учебника с закрытыми глазами. Это знал я, это знали все. Но математика, к моему великому счастью, не заканчивалась ограниченным школьным материалом, поэтому я пришел за ней в университет. Я пришел бороться за то, чтобы мне дали шанс хоть немного опуститься в настоящий мир математики, а не в школьную иллюзию. Я поступил на бюджетное отделение. У меня не было даже выбора, платить мне все равно было нечем. Я был счастлив.

Выходя из университета, где уже не первый день кипела работа головного мозга, так как мы вспоминали школьную математику, доказывая профессору, кто из нас не совсем тупой. Профессор усмехался и говорил, что если мы считали, что все знаем, то он готов опровергнуть

нашу уверенность, скинув ее в таз с помоями. То, что мы выучили в школе это как пишутся цифры и пару букв из греческого алфавита, говорит только о том, что мы чуть умнее шимпанзе. Мир математики, в который собирался посвятить нас профессор, был еще закрыт. Но он вот он! У нас на ладонях! И только от нас зависело, достучимся ли мы в эту дверь. Измученный, но довольный как кот, спящий на печи, наевшись толстых мышей, я вышел на улицу.

Осень. Вот она. А я даже не заметил, когда она успела прийти. Конец сентября. Золотистое солнце на голубом небе, золотистые листья под ногами. Красные все еще висят на деревьях, колышутся на легком ветерке. Я вдохнул полной грудью и набрал Ксюше.

Она не ответила. Хорошо, подумал я, перезвонит, когда увидит пропущенный. Мы ведь так давно не общались, и я соскучился по своему другу. Она была моим единственным другом, а я ее... черт его знает. Теперь у нее было много друзей. Ксюша всех, кто общался с ней более 15 минут, называла другом.

Она перезвонила, когда я уже прошел половину Москвы, впитывая в себя бушующую осень. Я уже давно убедился, что разговор с Ксюшей – это всегда какое-то откровение. И этот раз, по старой доброй традиции, не стал исключением.

Оказывается Ксюшу отчислили из колледжа на летней сессии за недопуски к экзаменам, прогулы и поведение, которое зачастую называется аморальным в социуме. Ксюша не стала даже пытаться поступить куда-либо. Она просто проиграла в одну секунду, в один болезненно громкий шелчок пальцев. Она остановила свою борьбу за будущее, обильно плюнув на себя. Я тут же, настойчиво и менторским тоном предложил подтянуть ее по предметам, в которых у нее огрехи, приведшие к катастрофе, по моему мнению. Но то было мое мнение! Оно серьезно разнилось с мнением Ксюши. Она устала от социальных устоев нашего общества. Она устала одеваться так, чтобы людям в общественном транспорте было приятно смотреть на нее. Ее тошнило оттого, что она должна следить за своей речью, чтобы не ранить уши прохожих или преподавателей. Ее достало, что все прежние знакомые осуждают ее черный цвет волос и пирсинг на лице, ведь они не могла привести ни одного конструктивного минуса. Ксюша больше не хотела учиться для какого-то дядьки. Для себя ей не надо было. Она считала себя и без того безупречной. И работать она не собиралась. А как? Как тогда она собиралась жить дальше в Москве? Ксюша была категорична. Она не хотела быть как другие. Она хотела сломать систему. Если все работают, то я буду ничего не делать. Что? По трудовой работать? Какой бред! Нет и не буду! Я не доживу до своей пенсии, зачем я буду платить налоги, чтобы на мою пенсию жил кто-то другой? Все платят за проезд в общественном транспорте? Ха, тогда я плюну в лицо общества и буду ездить зайцем. И на все, что делают другие люди, у нее было противоречие и желание сделать наоборот. Я прекратил называть доводы, чтобы агитировать ее начать учиться. Они оспаривались, едва я успевал закончить предложение, глупыми, недальновидными утверждениями. Я понял одно, что ни я, ни ее родители, ни президент, никто не переубедит ее, никто не сломает ее взгляды на жизнь... Разве, что сама жизнь.

Мне было проще. Жизнь обломала меня в довольно раннем возрасте: пьяный отец, сбывшая мать, пьяный отец в двойном размере, отсутствие денег, отсутствие всего того, что было у других. Я-то уж точно знал, что такое облом. Но Ксюша! Ксюша не привыкла к усмешкам жизни. Ее никогда никто не обламывал. Она не знала отказов ни с чей стороны. И мои доводы о будущем ее не пугали. Ей плевать.

То, что я слышал в ответ, поражало меня, честно говоря. Ксюша так агрессивно отстаивала свой выбор и совсем глупо звучали ее аргументы. Я мог оспорить каждый из них. Каждый! Но я не стал этого делать. У каждого есть право жить той жизнью, которую он выбрал. Я избрал свой путь, она – свой. В моем ли праве было навязывать ей другой путь только лишь потому, что мое мнение отличалось от ее? Я понимал ее. Понимал ее агрессию. Я бы тоже взбесился, если бы ко мне пришел некто и стал переубеждать в чем-то, в чем я уже определился до этого.

Я попсиховал в душе, распереживался за Ксюшу, но решил сменить тему, пока Ксюша не загрызла меня сквозь телефон. Я рискнул и спросил, как дела на любовном фронте. Как поживает ее любовь с дачи? Ксюша рассмеялась. Какая любовь? Она даже не ездила на дачу. Практически. Может, пару-тройку раз за все лето. Это место ее больше не интересовало. Скучное и бессмысленное. Такое же, как и сам Дима.

Я молчал. То есть, она все лето была в Москве и ни разу не позвонила. И я спросил ее об этом. Почему? Я тут же услышал очередную порцию гнева. Она ничего и никому не должна, почему от нее вечно все что-то требуют и как все это достало. И завершением тирады стал вопрос, почему я не позвонил ей. А я не хотел отвлекать ее от чувств. Но я не стал говорить об этом. Зато Ксюша сказала, почему я не звонил. Оказывается, она считала меня помешенным на моих глупых цифрах и была уверена на 100 %, что все лето я провел именно с ними, не мог оторваться от них, поэтому 8 скучных и непривлекательных цифр набрать я не мог. В моем теле началось настоящее цунами негодования. Нет! Не правда! Все, что она говорила – не правда! Да, я занимался летом. Математикой. Но я поступал. У меня первый курс. Я-то видел иную дорожку в своей жизни, в отличие от Ксюши, и моя дорожка тесно переплеталась с учебой. Но я никогда не переставал думать о Ксюше.

Этот разговор становился неприятным мне. Действительно, неприятным. И я решил перевести его в другое русло. Я хотел забыть об этом недоразумении. Мы ведь столько уже не виделись, неужели сейчас самое время выяснять, кто прав, а кто нет, сыпать беспочвенными обвинениями и претензиями. Я предложил погулять. Погода была такая потрясающая! Погоде плевать на разборки людей и бардак, кубарем летящий куда-то, в мире. Природа знает свое дело. Она дышит. Я дышал вместе с ней. Полной грудью. Ксюша согласилась.

Ее волосы стали еще длиннее, но оставались такими же черными. Губы измазаны темно-вишневой помадой, а на глазах две жирные линии: на нижних и верхних веках, выведенные черным карандашом. В носу сверкало кольцо. Я пригляделся: насквозь! Кольцо проходило сквозь ноздрю. Я инстинктивно поморщился, представив, насколько это больно. У нее изменились брови. Да их просто не было. Вместо них нарисованные две тонкие полоски. Естественно, черные. Черные ботинки, по колено, на толстой подошве. Черные штаны, похожие на латекс по материалу. Черная кофта в облипку. Сверху еще одна, практически до колен, полы которой развивались на легком ветру. Я терялся в собственных мыслях. Вроде как ее образ черной бестии завораживал меня. Он казался совершенным диким, как гепард в Саване, готовящийся атаковать мирно пасущуюся антилопу. Страшно, но смотреть все равно хочется. Я смотрел и смотрел на Ксюшу, поглощенный ею. И тут же, среди нахлынувших чувств, я вдруг понял, что хочу знать, куда делась та Ксюша, которую я знал уже столько лет. Что же с ней случилось?

Ксюша обняла меня, сказала, что очень рада встретиться. Соскучилась. Затем она достала из своей не менее черной сумочки на цепочке, длинный мундштук, вставила в него сигарету и прикурила. И тут мне в глаза бросился ее ногти. Длинные, как у росомахи. Знаете, какого цвета? Черного. Я неосознанно принялся разглядывать несметное количество серебряных колец на ее руках. Одно с камнями насыщенного густого синего цвета, размером на полпальца. Другое в форме анаконды, обвивало средний палец, практически до первой фаланги. Два простых кольца, тонкие без надписей и вставок, оба на большом пальце. Как это могло быть удобным? Я не представляю, но Ксюше они явно не мешали. На указательном пальце было интересное кольцо в форме когтя. Оно закрывало весь палец как доспех рыцарской перчатки, но не сковывало движений.

Я перевел взгляд на ее шею. Там тоже были украшения, не в таком количестве, но все же. На серебряной цепочке к ее вздымающейся груди опускался крест. Не совсем обычный. Вместо верхней прямой полосы был овал в форме капли, узкой частью, выходящей из основного креста. Чуть повыше еще одна цепочка с жабой с изумрудными глазами, усаживалась на ее груди между ключиц. Мои глаза снова скользнули на необычный крест. Хотя я больше, чем уверен,

что не крест заставил меня смотреть на красивое декольте. И только тогда я заметил, что на ней надет корсет. Черный корсет! Из-под него снизу и сверху торчали рюшки черного одеяния. Конечно, то чувство, которое я ощутил внизу живота, мне было знакомо. И понятно. Я тут же проанализировал свое состояние, пытаюсь понять, что вызвало во мне реакцию возбуждения. Я должен был быть откровенным с самими собой. Это важно. Если я сам себя не понимаю то, что тогда следует ожидать от других? Что спровоцировало волнение? Я не любил черный цвет. Он должен был скорее оттолкнуть меня. Но я увлекался астрофизикой, и черная материя не была мне чужда и впечатляла меня. Ее таинство, названное черным, меня интересовало и волновало. Мне показалось, что количество аргентума на Ксюше зашкаливает и будь она кислородосодержащей азотной кислотой, то она бы просто растворилась. Но я не могу отрицать аккуратность и вкусность гармонии.

Я снова прошелся по каждому атрибуту, находящемуся на ней. Определенно, по отдельности все это должно было оттолкнуть меня. Но в совокупности, надетые на ней, они не вызывали у меня отвращения. Ее образ! Вот, что спровоцировало волнение внизу живота. Целиком ее образ. В ней было что-то необычное, магическое и притягивающее.

Все, кто проходил мимо, смотрели на нее с безразличностью и страхом. Люди чуждались черной бестии посреди улицы близ метро. Но Ксюша улыбалась каждому взгляду и улыбалась так, что даже мне становилось не по себе. Это была игра на публику. Я знал каждую улыбку Ксюши, независимо от того, в какой цвет выкрашены ее губы: темно-вишневый или девчачий розовый. Та улыбка, для общества, была лишь пафосной провокацией. Ксюша всегда хотела быть не такой как все и в тот момент ей здорово удавалось внешне выделяться из толпы. Замечала ли Ксюша или нет, но толпе определенно не нравилась стоящая на пути индивидуальность. Отвращение и безразличность на их лицах говорили сами за себя. Стереотипы не давали забыть о себе.

Ксюша расспрашивала, как мои дела, то и дело затягиваясь очередной новой сигаретой, гуляя под руку со мной. Я отвечал очень коротко и немногословно, пока речь не зашла об университете. Тут я, конечно, раскрыл душу, в красках сообщив, как широко я раскрыл свои объятия математике и физике. Вот те две женщины, которых я был готово ласкать днями и ночами, без отдыха, не зная, что значит удовлетворение. Я никогда не смогу быть удовлетворенным с такими подругами. Они искушают, соблазняют, мацают эмоции и разжигают любопытство, но не скуку и усталость. Они заставляли меня вечно хотеть познать каждую из них. Каждую циферку, каждую букву, еще одну страничку, еще одну формулу, еще одну теорию... И я постепенно сходил с ума от перенасыщения эмоциями и вечной нехватки удовлетворения хотя бы на минуточку. Ксюша не перебивала меня. Шла рядом так же, как когда-то в школе, когда я восторгался очередными полученными знаниями, а она молчала. Потом, видимо, устав от моего постоянного неопишуемого восторга, начинала говорить о литературе. Об очередной книге, которую она прочитала и теперь переживает глубочайшие и сильнейшие эмоции, целиком и полностью окунувшись в жизнь главного героя. Ее впечатления были не столь радостны, как мои, что значительно отличало математику и литературу. Выучив, поняв новую формулу, поняв, как она работает, как подъемная сила держит самолет в воздухе, как устроен ракетный двигатель, чтобы заставить ракету двигаться в вакууме без кислорода, как понять объем вытесненной из сосуда воды и другие вещи, я получал эстетическое удовольствие. А что Ксюша со своей литературой? Вот прочитала она Му-Му Тургенева, две недели ходила с едва сдерживаемыми слезами, снова и снова переживая эмоции главного героя. А в чем же результат? Чего она достигла? Я не понимал и это непонимание было взаимно.

Мою математическую радость Ксюша прервала одним вопросом. Она давно ничего не слышала об Олеся. Как же у нас дела? Я перестал улыбаться. Никак. Наши дела никак. Со мной перестали общаться. Почему? Какой предсказуемый вопрос. Как мы любим задавать его и самое забавное, что любим мы задавать его зачастую потому, что это вопросительное слово

просто существует. Как много людей на самом деле хотят знать ответ на вопрос почему? Мне кажется, что этот вопрос равносильно утверждению – мне плевать. Но говорить мне плевать – некультурно, неподобающе, потому-то мы синонимизируем свое наплевательское отношение в вопросе почему. Отвечающий начинает нервничать, страшиться ответа, переживать, стараясь угодить своим ответом. Зачем, если всем плевать?

Потому что, Ксюша, я не захотел лишать ее и себя девственности. Вот. Удовлетворит ли мой ответ ее безразличие? Я едва заметно улыбнулся от злости скорее, чем от наслаждения. На ее лице тоже мелькнула быстрая, едва заметная улыбка, потянув за уголки вишневых губ вверх и тут же бросив. Ксюша посмотрела на меня. Да, Ксюша, да! Я все еще девственник! Я живу с этим прекрасно, не чувствуя себя страдающим. Но Ксюша не унималась. Почему я отказал Олеся? У меня были на то причины. И Ксюша знала меня слишком хорошо. Она тоже знала, что у меня были основания для отказа.

Я рассматривал ее глаза. Темно-синие. Уставшие. Но юность в них все еще барахталась. Я испугался. Вот, что я ответил, смотря в ее глаза. Я сказала правду. Ксюша посмотрела на меня сочувствующим взглядом, взяла за руку и быстрым шагом направилась к метро.

Я даже не стал спрашивать, куда мы идем и зачем. Пусть ведет. Ксюша знает, что делает.

Мы приехали на станцию Чистые Пруды. Это место, конечно, отвлекло меня от мыслей об Олеся, о математике, да, в принципе, обо всем. Я бывал на Чистых Прудах, не место шокировало мой подростковый разум, а обитатели. Таких как Ксюша, там было полно. Огромная черная сходка. Люди сидела на ступеньках, на лавках, на газонах. Все в черном, в кожаных, в латексных штанах, куртках, в длинных плащах. У всех либо черные волосы, либо лысые головы. Изредка мерцали красные, скорее бордовые пряди в черных волосах. Я испытывал неподдельный шок, глядя на толпу. Мне даже стало страшно. Эти люди не вызывали позитивных эмоций по отношению к себе, и уже нейтральным к ним оставаться было невозможно. Я забыл обо всем, что тревожило мою душу и сердце. Я созерцал. Я никогда в жизни не видел так много черного цвета.

Как и Ксюша, многие девчонки буквально гремели атрибутикой, мерцали темными оттенками помад и хлопали глазами, обведенными со всех сторон черным цветом. Они казались мне такими необычными и интересными, что я даже не пытался скрыть своего удивления. Но они не вызывали у меня приятных ощущений, какие вызывала Ксюша своим внешним видом.

Я спросил Ксюшу, что здесь происходит. Почему все эти люди в таком виде? Ксюша улыбнулась и поздоровалась с какой-то барышней, а потом ответила мне. Я узнал, кто такие металлисты. На Чистых Прудах была огромная тусовка металлистов. В эту группу входили уже разные под-культуры: готы, панки, скинхеды, которые, кстати, визуально отличались от черной массы лысыми головами, высокими зашнурованными ботинками и бомберами, блэк-металлисты, дэд-металлисты и другие. Ксюша перечисляла всех, кто находился в тот момент на площади, но от полученной информации мне становилось не легче. Я попросил деталей, и получив их, пазл начал складываться.

Вся музыка, которую слушали эти черные люди, считалась черной сама по себе, но она была разной. Ксюша относилась к субкультуре гóтов, потому что она любила музыку в стиле готика. В основном этот стиль принадлежал немецким исполнителям. Как я смог убедиться, гóты были самыми утонченными из всей черной массы. Практически все девушки в юбках, в корсетах, украшенных рюшками, преобладающие цвета: белый, красный, фиолетовый, лиловый, черный, постоянно переключаясь в их атрибутах, одеждах и волосах. Мужская часть походила на европейских дворян: белые или черные рубашки, с пышными рукавами, с жабо, прикрытые фраками, очень аккуратно причесанные, практически все с длинными волосами, в отличие от дам. Их прически были очень разнообразны, начесаны, взлохмачены, держащие нужные, объёмные формы.

Гóты держались обособленно. Как мне показалось, что среди черной музыки, они смело могли называться интеллигенцией. Я попросил Ксюшу дать послушать музыку, которая заставляет людей так выглядеть. Ксюша обрадовалась, сунула мне в уши свою любимую песню. Грустная мелодия, исполненная с имитацией симфонического оркестра, сопровождающаяся страдающим вокалом, поющим на немецком языке. В общем, картины образа жизни гóта сложились у меня перед глазами. Но я так и не понял, почему гóты выглядели вот так.

Блэк-металлисты – почитатели музыкального стиля блэк-металл. Ксюша поморщилась, сказала, что терпеть не может блэк – ужасная музыка, исполненная с бешеной скоростью, тексты про сатану, кровь и разврат, никакой романтики. Я пожал плечами, веря ей на слово, рассматривая группу людей с сальными волосами, распивающую портвейн с водкой. Их стиль одежды значительно отличался от стиля гóтов. Они носили косухи, под ними черные футболки с изображением либо каких-то несуществующих уродов, либо крестов, либо фото разрисованных уродов. Кожаные штаны у тех, кому финансы позволяли и просто черные джинсы для не богатых. В их внешнем виде я не нашел никакой эстетики. Здесь я был скорее согласен с Ксюшей. Я никогда не слышал музыку блэк-металла, но смотреть на ее почитателей мне уже не нравилось.

Там были еще панки. Ну, на панков я посмотрелся еще в выпускных классах школы. Здесь никто не смог удивить меня рваным грязными штанами, высокими ботинками или кедами, и, конечно, ирокезами. В отличие от остальных, эти были веселыми и казались беззаботными. Пили они тоже что-то неприятное, химическая формула чего, скорее всего, ускоренно вызывает гастрит и последующую язву. Ксюша отвергала и их, ведь они тоже не знают, что такое эстетика и реверанс. Музыка у них отвратительная, но, конечно же, лучше, чем блэк. Я не мог спорить с ней. Мои отношения с музыкой не сложились. В принципе, я сам лично ничего не слушал. У меня не было любимого исполнителя и песен. Ничто из музыки не вызывало во мне трепета, разве только сам звук и его волна, проходящая в воздухе с точки зрения физики.

Показала мне Ксюша и группу лысых парней в раздутых куртках нараспашку. На них я не мог долго смотреть. Мне казалось, что сейчас кто-то из них заметит, как я пялюсь и у меня будут проблемы. Те ребята выглядели так, словно желают раздать проблемы каждому встречному, суровыми лицами разглядывая прохожих.

Ксюша рассказала мне, что на Чистых Прудах на самом деле пересекаются очень разные субкультуры: кибер-готы, дэд-металлисты, грайндкорщики, альтернативщики и еще куча странно-звучащих слов. Я не мог все это запомнить, к счастью. Зато теперь я знал, где Ксюша проводит время и с кем. Оказывается, она променяла свою учебу на тусовки с пьяными гóтами на Чистых Прудах. Очень интересно и познавательно.

Мы обошли половину парка, прежде чем остановились у лавки, облепленной гóтами, наверное. Они закричали, приветствуя Ксюшу, принялись целоваться и обниматься. Ксюша смеялась. Она представила меня и, облаченные в черные одеяния люди, тут же вручили мне пластиковый стакан с очень вонючей выпивкой. К моему удивлению, никто не стал пытаться меня, какую музыку я слушаю, не хочу ли я стать гóтом и тому подобные вещи. Они просто весело гоготали и пили. Глубокого смысла их разговоров я не уловил. К тому же, они использовали терминологию, понятную только им.

Ксюша слилась с ними в одно целое. Про меня она не забывала, видимо, понимала, что я немного в растерянности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.